

18+

А. Ча.гин

Вкус времени II

А. Ча.гин

Вкус времени – II

«Издательские решения»

А. Ча.гин

Вкус времени – II / А. Ча.гин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986457-4

«Вкус времени» — авантюрная эпопея XX века, повествующая об истории одной русской семьи на протяжении 100 лет. Семья героев романа, невольно следуя за всеми изгибами истории нашего Отечества, претерпевает те же невзгоды и испытывает те же радости, что и весь русский народ. И главное — эта летопись поколений безоговорочно утверждает: как бы ни рушилась судьба человека, какие бы беды не одолевали его, из любого положения он способен подняться и занять достойное для себя место. 2-я редакция.

ISBN 978-5-44-986457-4

© А. Ча.гин
© Издательские решения

Содержание

II. Время не ждет	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вкус времени – II

А.Ча.гин

А.Ча.гин Дизайнер обложки

© А.Ча.гин, 2020

© А.Ча.гин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6457-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-6456-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

II. Время не ждет

ГЛАВА 1

Знаешь ли ты что...

...Для отклонения облака ядовитого газа необходим горящий пояс костров. Костры, нагревая приближающееся облако, поднимают его высоко над окопами. На каждый километр фронта необходимо около 13 тонн горючего и 20 минут горения.

...Хлорное облако, длиной в 1 километр весит 2500 кг. Во время первой газовой атаки немцы выпустили из баллонов 180.000 кг хлора.

...Болота, торфяники, снег уменьшают опасность химического нападения. Снаряды и бомбы, прежде чем взорваться, закапываются в мягком грунте и этим ослабляется распыление ядовитых газов.

Школа позади. Жизнь раскрывает перед выпускниками необозримые горизонты. Страна вступает в новый, трудный этап своего развития, начинается выполнение первого пятилетнего плана индустриализации народного хозяйства. И поэтому здесь стоит посмотреть на происходящие события не через официальную прессу, а глазами простого городского обывателя, каким и стал теперь Владислав Щеголев.

Владик понимал, что для строительства нового индустриального общества, в соответствии с планом, необходимы средства, рабочая сила, инженеры, технические кадры, сырье, строительные материалы. Он понимал и то, что всего этого нет в достатке, что приходится начинать с малого, ведя поиск и наступление сразу по всем направлениям. Значит нужна мобилизация всех духовных и материальных сил страны. Владик видел на примере своих знакомых, что средства на пятилетку почерпнуты из кармана нэпманов, – того как энергично осуществляется экспроприация накоплений частных торговцев и предпринимателей, не заметить было нельзя.

Было очевидно, что сэкономленные за счет народа продукты реализуются по высоким ценам, за драгоценные металлы в особых магазинах – Торгсинах, либо вывозятся за границу, где продаются за иностранную валюту по низким, бросовым ценам. Валюта была остро необходима для покупки машин, оборудования, сырья, найма квалифицированной рабочей силы. Но что обывателю валюта, к тому же Советскую Россию обвиняют в недобросовестном демпинге, конкуренты поднимают шумную кампанию в печати против торговли с Москвой. Буржуазные государства путем политических и экономических мер пытаются сорвать начало индустриализации восточного гиганта. Однако Советское правительство, невзирая на препятствия и жертвы, настойчиво идет к поставленной цели «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны по уровню развития промышленности. Многим из окружения Щеголевых это кажется несбыточной мечтой и фантазией.

Но что отрадно – для подготовки отечественных технических кадров открываются всевозможные курсы, профучилища, техникумы и ВУЗы. Населению сообщается, что в стране создаются все условия для того, чтобы каждый человек мог выбрать специальность по своим способностям и желанию. А для вступающей в жизнь молодежи двери всюду широко распахнуты, и Владик очень надеется, что и он тоже сможет участвовать в строительстве нового справедливого государства.

Да, это государство, как кажется, взялось за дело профессионально и разумно – приглашаются иностранные рабочие и инженеры. Им предоставляется все лучшее, чем располагает страна – благоустроенные квартиры, специальные магазины. Их окружает почет и уважение. Заработная плата иностранцам выплачивается частично в валюте, которую они могут истра-

тить в Торговом синдикате или перевести за границу. Широко разворачивается сеть магазинов Торгсина, продающих товары без карточек за драгоценные металлы и иностранные деньги. В них цены дореволюционные, но и оценка платины, золота и серебра не высокая. Например, за один килограмм серебра выплачивают 12—14 рублей торгсиновскими бонами. Впоследствии стали не брезговать и другими цветными металлами, например, медью, давая 8—9 копеек за килограмм.

Но по ходу развития пятилетки, все видят как неимоверные усилия и жертвы, которые потребовались от народа для выполнения планов индустриализации, начали «стимулироваться» не только административными мерами, пропагандой и агитацией, но и явным и жесточайшим террором, какого не видавали даже самые необузданные деспотии.

Глава государства, захвативший неограниченную власть, насильно внедряет теоретические положения, которые позволяют ему на «законном основании» терроризировать население страны с целью подавления малейшего выражения недовольства. Чуть ли не ежедневно в газетах публикуются списки в несколько десятков фамилий, расстрелянных за выдуманные провинности.

Уничтожают ветеринаров за падеж скота, ставят к стенке полсотни сметчиков, обвинив их в завышении сметных цен по мелочам. Будто бы они накидывали копейки на стоимость петель, ручек, столярку, подсобные работы. Раблепствующие судьи угодливо отправляли на смерть десятки и сотни невинных людей в угоду тирану. Это выглядело сущим издевательством над законом, моралью, правами человека. А повторяя историю Римской империи периода заката, главные виновники массовых убийств пользовались в стране божественным почетом...

Подлые приспешники организуют ряд громких судебных процессов над «вредителями», будто бы орудующими в промышленности – шумел процесс Промпартии, дело Рамзина. Крупный специалист по котельным агрегатам – Рамзин, был принесен в жертву для устрашения и подавления старых специалистов. Попутно стали хватать и уничтожать всех бывших и будущих оппортунистов, всех, кто мог поднять голос против творящегося беззакония. Так позитивный, весьма необходимый для отставшей России процесс индустриализации в руках аморальных людей сопровождается жуткими негативными явлениями, которые втихомолку осуждаются всеми здравомыслящими и честными людьми.

Все с ужасом взирают на нечестивые дела репрессивных органов – орудий узурпатора, захватывающих в государстве все больше и больше власти. В каждом более или менее значительном городе эти органы возводят огромные здания, занимают для своих адских нужд целые кварталы.

Удивительное дело, незлобивые русские люди, попадая на работу в подобные учреждения, заражаются царящей там атмосферой человеконенавистничества, звереют, лишаются сердца, ума, совести и слепо уничтожают своих же русских братьев, «рабсилу», так нужную теперь для социалистического строительства. Все злодеяния, творящиеся в стенах таких учреждений настолько чудовищны и бессмысленны, даже с точки зрения пользы для государства, что появляется уверенность в том, что именно здесь орудуют иностранные агенты и провокаторы. Ведь как убеждают народ на каждом углу только за границе выгодно уничтожать рабочих, специалистов, партийный и хозяйственный актив советского государства. И результаты были соответствующие.

Особенно ясно это обнаружилось в Отечественную войну 1941—45 годов, когда якобы немецкие резиденты постарались обескровить все русское военное командование, науку и производство доносами, провокациями, убийствами, массовыми репрессиями. Перед началом войны, в 1937—39 годах, пострадали сотни тысяч и простых людей, и партийцев со стажем, и заслуженных военных. Это тоже дело рук «кровавых агрессоров»?

Владислав Щеголев встретился во время войны с солдатом из штрафного батальона, который рассказал, что его схватили, когда он продавал костюм около рынка, что запрещалось. Его закатали на несколько лет копать Беломорский канал. Там его донимал лютый десятник, продажная шкура из заключенных и он, в пылу ярости и отчаяния, зарубил его лопатой. Ему добавили еще десять лет, но в войну освободили для искупления вины на поле брани. Чудом он уцелел, чудом потому что штрафники погибали или от пули немца или от выстрела в спину своих же командиров.

Щеголев знал студента Н., которого забрали перед дипломом, дали порядочный срок и послали в лагерь на лесозаготовки. При их встрече через много лет он рассказал Владиславу, что схватили его, видимо, просто потому, что он был физически крепкий и здоровый. Студент тогда, в нечеловеческих условиях, поклялся, что приложит все силы не к рабскому труду, а к возможности выжить, не поддаться вражьей силе.

В лагере он вошел в доверие к руководству, создал футбольную команду, стал бригадиром лесорубов. В свою бригаду он набирал всяких доходяг и полупокойников. И с ними он всегда перевыполнял норму. Его бригада прослыла образцовой, стала получать льготы, усиленное питание. Доходяги расцветали, полупокойники выходили в люди. Как же бригадир достигал таких блестящих результатов со своей маломощной командой?

«Блестящие достижения» осуществлялись очень находчиво. Рано утром доходяги отправлялись валить лес. Прядя на делянку, разводили большой костер и «блаженствовали» около него до обеда. Во второй половине дня они так же не рубили лес, а спиливали клейма у стволов поваленных вчера другой бригадой, сжигали чужие клейма и ставили свои. Отдохнувшие от тюремных порядков, выпавшиеся они возвращались в лагерь и рапортовали о перевыполнении плана лесозаготовок. Так студент Н. выжил благодаря своей смекалке и помог спастись обреченным. Но многие и многие находили в лагерях свою могилу. Доведенные до отчаяния они порой не выдерживали и бастовали, поднимали бунт. Разговор с бунтовщиками бывал короток – пулеметы с четырех сторон, длинная очередь и недовольных как не бывало. Оставались только довольные.

Таково краткое описание той реальной обстановки, в которой Щеголев и его сотоварищи должны были начинать свою самостоятельную деятельность. Многого они не видят, многого не понимают, живут день за днем и надеются на то, что судьба их пощадит. Они невинны, как ангелы, и полагают, что правда и справедливость все-таки еще существуют.

Но минуют десятилетия пока право и закон станут относительной нормой для властей, вынужденных хотя бы формально соблюдать их ради мирового общественного мнения. А мировая общественность, в лице «ястребов» из Пентагона, видя необратимость «красной заразы», стала уже всерьез призывать готовиться к смертельной борьбе с империей зла, опасаясь, что это зло распространится по земле и вся планета будет сплошным концлагерем.

После смерти Сталина его последыши и выдвигенцы открестились от него как от чумы ради собственного спасения, и, тем самым, растоптали память о невинных жертвах, запретив вообще упоминать о том страшном времени и свалив все преступления на «культ личности».

Достоинство презрения то раболепие, которое долгие годы исповедовали лучшие умы России – академики, светила социологических наук, старые революционеры, верноподданнически рукоплескавшие каннибальским «теориям» вождя. Но, действительно, очень трудно быть порядочным человеком. Однако заметим, что вождь не щадил и раболепствующую мразь, и их головы летели столь же часто, а может быть даже чаще, чем истинных врагов.

Случайно избежал гильотины заслуженный конструктор самолетов А.Н.Туполев. С ним за границей разыграли детскую игру. Во время его командировки в зарубежные страны, ему показали новый самолет с высокими летными показателями. Советский конструктор при его осмотре обмолвился, что у него имеется новинка еще более высокого класса, и сообщил неко-

торые элементарные данные. На другой день западные газеты вышли с аршинными заголовками: «Туполев раскрывает авиационные секреты русских».

После таких аншлагов песенка корифея советского авиастроения была спета. Вскоре же к его квартире подкатил «черный ворон». Говорили, что, не поверив в законность ордера на обыск и арест и понимая, что такая вредительская акция может исходить только от врагов советской власти, ошарашенный Туполев отстреливался от разбойников. Вряд ли, конечно, но, в итоге, и он сдался на милость НКВД. Его почему-то не расстреляли, а заставили как раба трудиться бесплатно в арестантском конструкторском бюро – «шаражке», куда к нему «подсадили» еще не мало таких же дармовых работников. У находящегося в шоке большого специалиста не хватило характера отказаться от подневольного труда.

Надо себе представить гнусность картины: великий конструктор и ученый, как червь ползает перед тупыми, неграмотными тюремщиками, облеченными всей полнотой власти, и от которых зависит вся его деятельность и жизнь. Занятно, что и в «шаражке» проводились партийные собрания, на которых заключенные поддерживали политику советского правительства и клеймили позором «врагов народа».

В эти времена русская действительность шагнула далеко вперед..., простите, назад, по крайней мере, в эпоху монголо-татарского ига. Тогда тоже пленных специалистов различных областей народного хозяйства заставляли работать под стражей нойонов...

В то же время нельзя не сказать, что советские агитация и пропаганда оказывали сильное воздействие на простой народ. Практически все верили в происки врагов. Даже Щеголев по молодости лет, захваченный стремительным потоком коммунистической риторики, негодуя отзывается о вредителях, мешающих поступательному развитию страны. Но до поры до времени. Хочется думать, что он, в отличие от советских идеологов и их подпевал, ратовал и заботился о России, а не о каком-то социалистическом, рабовладельческом или ином строе.

Сразу же после окончания школы компания мальчиков, в том числе и Щеголев, пошла на заработки к Кузьмину, заведующему отделом экономики на Белогорской опытной станции. Савинов и Мишустин отправляются на самостоятельную работу в область, а группа из трех человек обосновывается в Сиверском совхозе, в бывшем имении светлейшего князя Витгенштейна. Директором совхоза является прежний управляющий имением, а контора располагается рядом с вокзалом среди стандартных домиков. Мальчики ведут хронометраж всех летних работ, осуществляемых в хозяйстве. Совхоз процветает под руководством очень опытного, добросовестного, но беспартийного директора и пользуется славой самого образцового среди хозяйств области. Но такая слава нисколько не мешает тому, что зимой того же года заслуженного директора бросают за решетку, а на его место назначают раболепного пресмыкателя с «блестящей» анкетой.

И не беда, что после такой замены совхоз начал разваливаться. Как уже говорилось, с началом коллективизации вместе с директором совхоза загремел и Кузьмин.

Бригаде молодых специалистов отвели большую комнату с кухней в стандартном доме и так они стали жить-поживать, пропадая на полях с раннего утра до вечерней зари. У юношей заводятся знакомства среди совхозных девушек, но Щеголев несколько тяготеет их деревенской простоватостью. Из местных прелестниц выделяется красивая, статная, достаточно культурная Шура Дымпер. Но Шура, с приездом Мишустина, стала его девушкой, а Щеголев понемногу волочится за Шуриной подругой, бойкой, крепко сбитой, но не блещущей интеллектом, особой.

Владик признавал, что Шура Дымпер и Саша Мишустин являлись прекрасной парой – оба высокие, статные, всегда улыбающиеся, очень сдержанные и деликатные. Дымпер, по всей вероятности, была бы хорошей, работающей и доброй подругой Мишустину в жизни. Но пути ленинградских юношей и сиверских девушек вскоре расходятся. Они написали после разлуки друг другу по паре открыток и на том распростились.

Но воспоминания остались, и у Щеголева сложилось небольшое стихотворение на «совхозовскую» тему. Вот одно из его четверостиший:

*С Сиверской весточка из совхоза
В синем конверте пришла вчера,
Вспомнился запах парного навоза,
Вспомнились лунные вечера...*

Только к концу сезона в Сиверский совхоз для совместной обработки материала явились Мишустин и Савинов. У Щеголева теплеет на душе, ведь только в компании с другом Владислав расцветает и оба находят массу общих интересов и тем для разговоров.

Хронометражисты всей компанией начали готовить свои записи к окончательному завершению в виде сводных таблиц. Когда начались дожди и холода, мальчиков потянуло домой, и они договорились с Кузьминым, что берутся обработать материал сдельно, за сто рублей на брата. До этого они получали в месяц 40 рублей и рассчитали, что уложатся с подведением итогов в два-два с половиной месяца. Каждому нужны были деньги, чтобы купить первый в жизни костюм, кое-что по мелочи. Получаемая до сих пор зарплата целиком уходила на харчи. Обед на вокзале стоил полтинник, на Белогорке в столовой опытной станции, имеющей дешевые продукты, брали за худший обед столько же. Когда Щеголеву сказали об этом, он первый раз в жизни зашумел, назвал такую цену грабежом, бессовестным по отношению к молодым работникам станции. Несколько опешивший жуликоватый на вид заведующий, заколебался, уступил, скрепя сердце, и назначил за стандартный обед 30 копеек. Но обиженные хронометражисты отказываются от стандартных обедов и по воскресеньям откушивают на вокзале, а по будням готовят дома.

В совхозе иногда режут «говядину», мясо делят по числу работников, которых приглашают выбирать порции по иерархии. Хронометражисты стоят на последней ступени служебной лестницы, но и то, что им достается, значительно улучшает их питание.

Во время жизни в совхозе Щеголев получает известие, что братьев Росинских – Алексея и Константина – посадили. Их обвинили в связях с английскими шпионами братьями Кэб!

Английские братья служили летчиками на петергофском аэродроме. Шпионы бывали на даче у русских Росинских, играли со шпионскими целями в преферанс, по-шпионски таились на музыкальных вечерах, в то время пока один Росинский играл на виолончели, а другой на пианино. При обыске у Алексея Росинского, бывшего морского офицера, обнаружили старый и ржавый револьвер системы «Бульдог», поэтому ему дали десять лет, а Константину, у которого не нашли даже мухобойки, «всего» пять.

Константин Михайлович сумел выжить. Ему помогло то, что он имел медицинское образование и, в конце концов, вернулся в семью, хотя и очень изменившимся. И до ареста он не был рачительным хозяином участка и дома, а тут и совсем опустил руки. А Алексей Михайлович не вынес длительной каторги и умер в тюрьме. Сравнительно незадолго до ареста, уже в зрелом возрасте, он женился на девушке, которая годилась ему в дочери, и у них было двое малолетних детей, оставшихся теперь без отца. Дикий произвол не знал жалости и губил жизни не только «преступников», но и членов их семей. Даже людоеды не ведали таких обычаев.

Как было признано впоследствии, все осужденные оказались без вины виноватыми...

Читая подобные трагические сообщения из дома, Владик ужасается, и думает, что здесь не обходится без провокаторов из-за рубежа. Наши же на такое неспособны! Но кто это осмелится доказать или просто высказать вслух?!

Между тем мальчики понемногу собирают свои пожитки и, наконец, уезжают из совхоза в город. Там они упорно трудятся и к январю 1930 года заканчивают обработку материалов по хронометражу. Они сдают великолепно выполненные Мишустинным таблицы и сводки, пояснительные записки, черновики наблюдений и получают по сотне рублей. Для Щеголева

стурублевый куш явился первым крупным заработком. Он и Савинов хотят купить бостоновские костюмы. Бостон является самым модным материалом.

Не один день ходит Владислав со своими деньгами по магазинам, пока не находит желаемое в бывшем торговом доме Мертенс, что расположен на Невском против улицы Большой Конюшенной. Не помня себя от радости, молодой покупатель платит в кассу около сорока пяти рублей, и становится обладателем, впервые в жизни, собственного костюма. До этого, в торжественных случаях, младший брат одалживал пиджак у старшего. А Мишустин не стал долго искать, и смирился с черно-зеленым костюмом из трико. Однако, имея красивую фигуру, он великолепно выглядит и в своем трико, которое сидит на нем будто сшитое у лучшего портного. После окончания работ по хронометражу и беготни в поисках костюма, встает вопрос о дальнейшем устройстве. Учиться или работать?

Родители и брат не торопят с выбором, никогда не упоминают про деньги, требующиеся на содержание Владислава. В материальных вопросах в семье всегда соблюдается высочайшая терпимость и какие-либо попреки или счеты исключаются. Вероятно, такая деликатность повелась исстари, когда папа годами не работал в Кашире, а семейные никогда не заикались о своем трудном, полуголодном существовании. Через некоторое время Владислав отправляется на биржу труда, которая к тому времени доживает последние деньки. Пятилетка требует все больше рабочей силы, подбирая остатки свободных кадров. И не успел юный безработный встать на учет, как его направили на обучение в химическое училище.

Случилось так, что Щеголева одновременно зачислили и на чертежные курсы, куда он подал заявление вместе с Мишустинным. Владислав заколебался. Ведь он любит графику, немного рисует для себя, и из него вышел бы хороший чертежник, а к химии он равнодушен и химическое производство кажется ему грязным и опасным делом. Но в пользу модной химии его склоняет брат, который занимается в химическом техникуме. Борис, наконец, получает серьезную специальность, гордится этим и хочет увлечь на ту же дорожку и Владика. В результате младший брат после семейных дебатов, собрав волю в кулак, идет в химическое училище.

А Мишустин, которого так же приняли на чертежные курсы, без своего друга заниматься на них не стал.

В химучилище набирается целый класс переростков, направленных сюда после средней школы. Среди соучеников Щеголев встретил давнего знакомого Вадима Фихтенгольца, внука известного математика. С ним и еще с одним товарищем новообращенный химик совершит на каникулах незабываемый поход по Карелии.

Это было необыкновенное и волшебное путешествие по северным краям. Юные землепроходцы чувствуют себя если и не Левингстонами, то Ермаками уж точно! Компания плывет на пароходе более 850 километров по Неве, Ладоге, Свири, Онежскому озеру и высаживается в Медвежьей Горе. Оттуда, от древней Онеги, впоследствии начнется Беломоро-Балтийский канал, построенный силами каторжников.

Белый винтовой пароход прошел, словно ладья викингов по водным дорогам Русского государства с запада на восток до Онеги, а потом повернул резко на север. По бортам их парового ковчега проплывали: Орешек, города Петрокрепость, Старая Ладога, Лодейное поле. Исконная северная Россия, с дремучими лесами корабельных сосен, заповедными угодами зверей и птиц, глубокими чистыми озерами, полными серебристой форелью и судаком.

От Медвежьей горы туристы идут пешком на водопады Кивач, Гирвас, Порпорог. На самом большом водопаде – Киваче они наблюдают залом из сплавляемых бревен, спускаются к бурлящей стремнине и пытаются разобрать затор. Однако все их попытки тщетны, водопад крепко держит свою добычу. Снизу молодые сплавщики с уважением смотрят на лавину падающей воды, которая ломает и разбивает толстые кряжи в щепки. Самонадеянных туристов могло запросто увлечь в поток, но все, к счастью, обошлось благополучно. В другом месте, в тихом заливе, любители приключений переходят от берега до берега по бревнам, покрываю-

щим залив сплошным ковром. Под их ногами стволы елок и сосен колыхаются, вертятся, погружаются, идти и страшно и очень интересно.

По пути от водопада к водопаду юноши любят голубыми, туманными озерами, с которых с шумом и плеском тяжело поднимаются крупные, жирные утки. Вокруг озер, между замшелыми серо-зелеными валунами обильно цветет розовый пахучий шиповник. Стоят теплые, солнечные дни июня, и даже северная природа расцветает под скудными лучами полярного солнца. В некоторых местах виднеются лесные гари еще не заросших молодняком, вокруг деревьев побиты и хранят следа артиллерийских обстрелов. Как потом объяснили местные жители, то были следы войны с белофиннами двадцатых годов.

Компания сравнительно близко подходит к границе с Финляндией, и в одной приграничной деревне, как к ученым-путешественникам из самого Ленинграда, к ним обратился молодой карел. Он попросил написать от его имени заявление и направить его в одно из центральных учреждений Карельской ССР в Петрозаводске. Жалобщик объяснил, что местные власти ущемляют его хозяйство и не дают покоса для коровы. Хоть продавай кормилицу-корову! А ведь он является верным помощником советской власти, работает тайным сотрудником НКВД и ловит перебежчиков через границу. Вот и в эту белую ночь команда дежурила в засаде, да нарушитель не появился.

Перебежчики из местных жителей частенько доставляют своим семьям из-за кордона продукты питания, одежду, с которыми здесь стало очень трудно. Ведь там, за границей, как рассказывают, лесорубы зимой получают, кроме зарплаты, целый фунт масла в день. А здесь и коровенку держать не дают!

Молодые люди с удивлением слушают откровения агента и обещают помочь. Они сочиняют прошение и подписываются – «ленинградские трудящиеся». Глядя на взволнованное лицо низкорослого, вертлявого и конопатого просителя, Щеголев думает: видно знают твои односельчане, что ты за птица, можешь любого из них продать и выдать и за полфунта масла. Оттого и ненавидят тебя в селе, отказывая в самом необходимом, желая, чтобы сдох ты поскорее и не гадил близким людям.

На обратном пути от конечной точки путешествия – водопада Порпорог, юноши нанимают подводу, которая доставляет их на ближайшую станцию железной дороги. Проселок петляет по лесу, колеса на удивление ветхой, грязной и неблагоустроенной телеги мучительно подпрыгивают на корнях и камнях, усеивающих дорогу, так что пассажиры вынуждены идти пешком.

На станции выясняется, что до поезда остается целая ночь, и путники располагаются на лавках. Бока ломит от твердых досок, кругом же по-карельски мусорно и неудобно. В середине ночи раздаются шум, крики, топот, стук прикладов. Кто-то сдвигает макинтош, которым накрылся Щеголев. Проверка документов. На сердце становится необъяснимо тревожно. Удивительная вездесущность органов ГПУ – здесь, в казалось бы глухих местах, что делать врагам советской власти? Но нет, они, враги, наверное, не менее вездесущи, чем их преследователи! Всех ожидающих поезда отправляют в каталажку – и то дело – там светло и тепло. Утром выясняется, что искали беглеца из лагеря. Конечно, наивно было думать, что беглец будет спокойно похрапывать на людной станции, но власть напоминает: от меня не уйдешь! Проверив у ленинградских краеведов документы, их неохотно отпускают, бубня вслед что-то нерадостное.

Еще темно, но постепенно бледные звезды начинают гаснуть, и на востоке заалела слабая заря. Станция оживилась, по углам закопошились бабы с мешками и узлами. Вскоре за лесом, разбудив окрестное эхо, раздался гудок паровоза, застучали колеса, и прямо из елок вынырнул поезд. Путешественники садятся в допотопные вагоны, имея билеты до Петрозаводска. Дальше здесь никто не ездит и других билетов не бывает. Во время краткой остановки в столице Карелии надо во что бы то ни стало получить билеты до Ленинграда. Но местные пасса-

жиры сообщают, что такой маневр осуществить не легко, у кассы дежурит толпа жаждущих иметь такие же билеты.

Поезд не спеша движется меж двух стен темных елей, редко-редко мелькнет серенькая деревушка под серыми же драночными крышами, осветит зеленоватым светом хлебное поле или луг, сверкнет синее озерцо. Ленинградцы, посматривая в окошко, тем временем составляют план атаки на транзитную кассу в Петрозаводске.

Вот, наконец, поезд затормозил у столичного перрона. По жребию за билетами отправляются Фихтенголец с товарищем, а Щеголев остается караулить вещи. Владислав отгоняет настырных мешочников, едущих до ближайшей станции, и с волнением ожидает возвращения гонцов – вдруг они не получают билетов?! Вот уже брякнул второй звонок, а ходоков все нет.

Что делать, выгружаться с вещами или ехать зайцем? В последнюю минуту товарищи возвращаются радостные и сообщают, что получили билеты с черного хода, а перед кассой остались бушевать толпа менее ловких транзитников. Таковы столичные петрозаводские порядки.

Когда вагоны уже застучали на выходных стрелках, Щеголева вдруг осенило:

– А заявление, заявление-то карела о покосе отправили? Забыли наверно в суматохе...

Фихтенголец, как будто вспомнив, хлопает себя по лбу.

– Ах, мать честная! Вот оказия.

Потом, выдержав паузу и ухмыльнувшись, бросает:

– Отправили. С молоком будет карел.

Все располагаются на своих местах и поезд, выбираясь из неказистых пригородов, берет направление на Ленинград. Владик лежит на верхней полке, под голову, к горячей трубе отопления, он положил большую банку компота из черешни, купленную в одном из местных сел. Он не сообразил, что консервы и тепло являются антагонистами. И действительно, по приезде, в Петергофе, когда он начал открывать банку, из нее ударила струя пены и забродившие черешни разукрасили белоснежные стены дачи.

Через некоторое время Фихтенголец раздал товарищам по путешествию фотоснимки карельских пейзажей, деревень и северных старожилов, но изображения оказались скверными, так как, при зарядке кассет в неудобных условиях почти все негативы были засвечены. На этот раз научного отчета, да и просто документальных воспоминаний, не осталось...

Лето кончается, осень вступает в свои права. В химическом училище возобновляются занятия. Щеголев успешно овладевает химией, и переводится с семестра на семестр без экзаменов по основному предмету. Вскоре его выпускают на завод Химгаз аппаратчиком и лаборантом со специализацией по крекинг-процессу.

Но успехи в химии не означают, что выпускник полюбил эту науку, завод и модный крекинг. Тогда этот процесс только заимствовался в Америке, куда ездил главный инженер Химгаза набираться опыта.

Щеголев получает под свое командование опытную установку, на которой он стал выгонять химический продукт весьма летучий и капризный. Работа на установке сносная, но иногда бывает нужно готовить концентрированный раствор едкой щелочи или дежурить на хлорной станции. На воздухе едкий натр быстро мокнет, делается скользким, от него во все стороны летят жгучие брызги, мгновенно выжигают на коже болезненную рану.

Бригадир Щеголев и его подручные работают в толстых, но уже дырявых шерстяных костюмах, в резиновых сапогах и перчатках, надев защитные очки и шапки. Отбитые куски натра берутся в руки и швыряются в бак, где они растворяются «острым» паром. При этом необходимо избежать всплесков горячего концентрированного раствора, разлетающегося вокруг на три метра и прожигаящего насквозь все вокруг. Щеголев каким-то чудом избежал травм, но другие исполнители таких цирковых номеров не были столь удачливы. Иной раз опытная установка простаивает ввиду нехватки рабочих и тогда молодого бригадира назначают дежурить на хлорной станции. Чертыхаясь, он отправляется на ненавистное рабочее место.

Почти все время здесь нужно носить противогаз, который быстро намокает, очки в нем запотевают, так что хочется немедленно сбросить такую доуку. Но подобная неосторожность может обернуться бедой, потому что смертоносный хлор порой вытекает сквозь неплотности в аппаратуре и его вдыхание грозит отеком легких и смертью. Частенько с хлорной станции отправляют пострадавших в больницу им. Цимбалына, находящуюся, к счастью, рядом с заводом. Владислав к своему неудовольствию уже сделал заключение, что все цеха и помещения на химическом заводе таят в себе многообразные вредности. Например, ему довелось в период практики дежурить в компрессорной, где баллоны накачивались горючим газом из непредельных углеводородов. Он долго не мог понять причину тумана, который возник у него в голове после дежурств на баллонном пульте. Туман напоминал алкогольное опьянение, мысли ползли как черепахи, при чтении содержание прочитанного не усваивалось, с усилиями воспринималась речь собеседника, не запоминались цифры, адреса или формулы.

Молодой химик впал в отчаяние, подумав, что мозги у него становятся набекрень, и он не сможет учиться и понимать даже элементарную азбуку. Только после окончания практики и исчезновения влияния ядовитых газов, он понял, что стал жертвой отравления непредельными газами.

Щеголев, даже будучи неискушенным практикантом, видит, что весьма несовершенная, первобытная технология, неопытность инженеров, многие из которых являются выдвинутыми, часто ведут к авариям, травмам, неполадкам в производстве. Для примера далеко ходить было не надо. Рядом построен специальный цех для получения этилен-гликоля, в котором установлены металлические колонны высотой с четырехэтажный дом. Колонны толстенные, литые, набитые кольцами Рашига. По расчетам, которые согласовывались с профессором Добрянским, внешне очень похожим на Остина Чемберлена, сырье, поданное наверх колонны, должно вытекать вниз в виде этилен-гликоля, напоминающего патоку. Увы, снизу текло, но нечто другое. Исходный горький продукт не захотел превращаться в сладкий гликоль при любых давлениях, температурах и катализаторах.

Но гликоль нужен для многих опытов и в результате слесари взяли котел на три ведра, приварили и нему трубу, обмотанную электроспиралью, и таким образом создали новую, оригинальную «аппаратуру» в целях получения несговорчивого зелья.

Лаборанты налили в котел исходное сырье, под котлом зажгли газовую горелку, спираль включили в сеть и вскоре в змеевике холодильника зажурчал чистый этилен-гликоль. Без огромного цеха, без чугунных труб весом в сотни тонн, без миллионов колец Рашига и без миллионов рублей затрат. Монументальные и величественные колонны с лестницами, площадками и балюстрадами, аппаратчики решили использовать для прицельного плеванья. Внизу на полу они ставят бутылку без пробки, сами забираются на верхнюю площадку и с высоты четвертого этажа стараются плюнуть в горлышко бутылки. Имеются снайперы, выполняющие фокус виртуозно. Так «окупается» стоимость громоздкой, но бесплодной опытно-производственной установки.

Вредность производства частично компенсируется выдаваемым бесплатно молоком и хорошей кормежкой в столовой. Заведует столовой кавалер ордена «Красного знамени» рыжеватый еврей. Орденоносцев в стране не так много и с ними считаются. Кто-то из товарищей видел, как однажды орденосец перешел площадь в неполюженном месте. Тогда переходы только вводились в правила движения и соблюдались строго. К нарушителю сейчас же подлетел милиционер с квитанцией наготове. Но за столовой только распахнул пальто, под которым виднелся красный бант ордена. Милиционер козырнул и ретировался не солоно хлебавши.

В столовой кормят сытно, вкусно и без карточек Щеголев иной раз берет три-четыре блюда, завершая обед компотом или вареньем. Без такого подспорья для развивающегося организма, частенько травмируемого вредными химикалиями, неизвестно как могло бы закончиться пребывание на ненавистном заводе.

Вместе с Владиславом в цехах и лабораториях трудятся и другие выпускники училища. Он хорошо узнал деловую, миловидную, стройную девушку из параллельной группы – Катю Балкову. Встречаясь с ней, он почему-то немеет, краснеет и не может связать и двух слов. Впоследствии, уйдя с завода, Щеголев нашел ее адрес, и пытался возобновить знакомство. Но из его попыток ничего не вышло. Катя попросила во имя чувства, в котором он признался, оставить ее в покое. Она написала, что знакомство с Владиславом ей интересно, но, увы, невозможно. По-видимому, Катя уже вышла замуж.

– Оpozдал, непростительно опоздал! – с горечью корил себя разочарованный молодой человек, изо всех сил старавшийся забыть красивую девушку.

В эти трудные годы НКВД всюду имеет свои глаза и уши, которые следят за каждым. Не понятно, чего так бояться – восстания, саботажа, диверсий, заговоров?! Трудно себе представить, чтобы здравомыслящий человек начал бороться против мероприятий полезных родине, русскому народу. Вредительство или злопыхательство, в особенности, маловероятно среди молодежи, варающейся в гуще советской жизни и с энтузиазмом участвующей в построении нового общества.

И тем не менее, молодой Щеголев не раз вызывается в Большой дом, вертеп НКВД, где роятся в несметном числе ягoдoвцы всех рангов. Там его с пристрастием выспрашивают о членах семьи и знакомых. Но к досаде злодеев Щеголев не отличается разговорчивостью. В этом отношении он является полной противоположностью папе и брату, которые выворачиваются наизнанку и «по честному» чернят себя, родственников и знакомых. С какой стати, думает безвинно преследуемый молодой человек, клепать на самого себя и давать повод навешивать себе дутое дело.

Щеголев на вопросы об адресах всегда мычит, стараясь их вспомнить, но так и не вспоминает.

– Она живет... Она живет недалеко от своего брата.

– Ну да, – прерывает его ягoдoвeц, – а брат живет недалеко от сестры. Понятно!..

Узнав, что допрашиваемый учится в техническом училище, гепеушники негодуют:

– Как, и вас допустили туда учиться? Вы обманули приемную комиссию!

– Нет, я никого не обманывал. Меня направила учиться биржа труда.

– Не может быть? И вы получаете стипендию?!

– Да, получаю.

Вражья сила выходит из себя, стучит кулаком по столу.

– Ну, погоди! Тебя вытурят из училища, а стипендию взыщут по суду.

В Большом доме сидят очень большие олухи, глупые от природы и ставшие еще глупее от накачки всякими людоедскими директивами. Подумать только, как нагло разговаривают эти ублюдки с гражданином Советской страны ничем себя не запятнавшим, честно работающим на пользу родине.

Палачи, забыв, что перед ними свой, советский юноша, а не раб, готовы были бы лишиться его возможности учиться, заковать в кандалы, четверговать. Поборники рабской покорности, они боятся, что независимый, здравомыслящий человек, достигнув знаний и власти, разрушит их косную, вражескую машину.

Щеголев посматривает на тупые, бессмысленные лица своих гонителей и думает:

– Можно ли мало-мальски разумному человеку дойти до такого скотства, и работать заодно с врагами, стремящимися уничтожить русский народ?!

Но с течением времени и там, в оплоте террора, в Большом доме, произошли кое-какие сдвиги. В верхах начали понимать, что держать олухов невыгодно. Они выдают ущербную «продукцию», полную огрехов, ляпсусов и дикой неграмотности. Истинные враги Советского Союза этому только радуются. Олухов стали понемногу образовывать. Но самые чистопородные оказываются круглыми тупицами, неспособными к учению. Начали их заменять людьми

более умственно полноценными. В мрачных кабинетах, спрятанных за двумя дверями, стали восседать чины с лицами уже напоминающими человеческие.

В этом отношении Щеголеву запомнился так называемый «следователь», а по существу заплечных дел мастер, по фамилии Киркасян. Он и разговаривал более или менее по-человечески, и не рычал как цепной пес. Конечно, Щеголев понимает, что система террора осталась в неприкосновенности, что она только подкрасилась, но ничего не мог с собой поделывать и к этому следователю относился даже с симпатией.

Как все мучительно и страшно! Жить под вечной угрозой бессмысленных репрессий, не быть уверенным, что сегодня ты будешь ночевать дома, а не в гепеушной каталажке. И, главное, надо постоянно ожидать удара, не чувствуя за собой ни малейшей вины. Справедливо, что руководители и многие исполнители этой страшной репрессивной организации сами, в конце концов, сложили головы на плахе, были разоблачены как пособники врагов Советского Союза: и Ягода, и Ежов, и Берия. Конечно, за собой они поволокли в пекло и многих своих помощников, ставленников и даже членов семей.

Всех их уничтожали в тот момент, когда возникала опасность, что кровожадное чудовище встанет над правительством и партией.

Вот в таких нечеловеческих, но ставших уже естественными, условиях существовала семья нашего героя, он сам и тысячи других подобных им семей.

Александр Александрович Щеголев, покинув своих дореволюционных знакомых в Кашире, никак не может совсем обойтись без них, и разыскивает их остатки в Ленинграде. И он, каким-то образом, находит Вейсбергов! Обломки некогда состоятельной фамилии прозябают, питаются крохами, которые они подбирают по темным углам.

Мария Михайловна, капрал Армии спасения, подвизается в сомнительной компании около пасторов. Иудейка, надевшая личину христианки, с равным усердием отмахивает кресты как в православных, так и в лютеранских храмах. Она бывает у Щеголевых вместе со своим братом, и оба живописуют какие чудесные люди эти пасторы. Понемногу они втягивают и папу в дела, связанные со всей этой братией. Папа, считая себя административным работником, но не имея возможности заниматься администрированием по происхождению, не озаботился получением другой специальности. А человек без специальности всегда нуждается в протекции при устройстве на работу. И вот Вейсберг, сама ничего не умеющая делать, рекомендует папу пасторам в качестве учителя ручного труда!

Для начала папе поручили обучить выпилровке по фанере каких-то мальчиков из церковного круга. И на квартире у Щеголевых появился тихий и скромный Сережа, который вместе с папой стал пиликовать лобзиком. Их продукцией являлись рамки для фотографий, шкатулки для пуговиц, игрушки. Все эти изделия не стоили на рынке и ломаного гроша.

С ужесточением внутренней политики и обострением террора, вся церковная клика загремела в тартарары и потащила за собой все свое окружение. По всей видимости нашелся осведомитель, который по заданию НКВД втерся в церковные сферы и взял на карандаш поголовно всех, кто якшался с божьими слугами.

Папа, мама и младший сын сидят за вечерним чаем. Борис ушел к знакомым. Ужин окончен, на старом пальмовом плято осталось лишь несколько кусочков черного хлеба.

Внезапно у двери раздался тяжкий топот, в дверь стукнули пару раз, и она широко распахнулась. В комнату вваливается толпа чужих людей. Впереди чин из НКВД, за ним солдаты с винтовками, потом управхоз, дворник. Взволнованный папа встает навстречу. Ему суют ордер на обыск и арест. Папа растерянно молчит.

Чин начал обыск. Первым делом он схватил берданку, которую недавно купил Владик и во избежание покушения на свою особу передал ее солдату. Он выуживает коллекцию старых денег, которую собрал младший сын и придирается к тому, что они сложены не по коллекционному. Далее откладывается в качестве улики печатка с изображением циферблата –

папа делал игрушечные часы и пытался наносить цифры механическим способом. Но из этого ничего не вышло, цифры расплывались. Атаман шайки выражает недовольство тем, что на полках с книгами много пыли. Мама ответила, что таких дорогих гостей не ждали и, извините, не подготовились.

Собрав вещественные доказательства государственного преступления в виде циферблата от игрушечных часов и еще каких-то пуговиц, глава банды составил протокол, и предложил его подписать папе и понятым. Этим он соблюдал букву закона, нарушая и попирая дух законов! Ибо вопиющим нарушением человеческих прав и законов является бездоказательное обвинение невинного.

Понятые – дворник и управхоз сочувственно смотрят на Щеголевых, видя скромную обстановку и черный хлеб на столе. Хлеб особенно умилил управхоза, который потом сказал маме, что арестованный наверно был не очень большим преступником, если жил на ржаном хлебе. Он добавил, что семья может рассчитывать на его помощь, пусть обращаются к нему в любое время. И действительно, Владик всегда получал у него всякие справки вне очереди.

Можно себе вообразить горе и отчаяние мамы и Владика, когда папу под охраной солдат увели. Папа лишился родной семьи и на многие годы обрек себя и своих близких на тяжкие испытания. Через некоторое время состоялся Шемякин суд так называемой «тройки» НКВД. Всех закатали, как хотели. Папа заработал на выпилровке узоров 5 лет и еще срок высылки.

Во время предварительного заключения мама носила передачи. На свидании с отцом побывал и Владик. Папа в тюрьме сидел не долго, так как тюрьмы не могли вместить всех арестованных, и его перевели отбывать срок в лагерь на севере, а затем на полусвободном поселении в Архангельской области. Там Щеголев мог работать по найму и получать зарплату. На свободе служба ему как-то не давалась, казалась унижительной на малых должностях, а сейчас, как арестанту, представлялась почетной. Ведь работать удается далеко не всем репрессированным. Александр Александрович с усердием выполняет обязанности счетовода и кладовщика. Вместе с ним квартирует в частном доме ленинградец, тоже осужденный просто за фамилию, некий Стрехович. Щеголевы стороной слышали, что старый Стрехович служил до революции не то врачом, не то священником в Зимнем дворце. Этого было вполне достаточно для гонения на его потомков.

Родственники осужденного потомка приближенного к Высочайшей особе, оставшиеся в Ленинграде живут более обеспеченно, чем Щеголевы и они сохранились в большем количестве, так как семья испокон веков обитала в Петербурге. Поэтому сыну придворного идут частые и богатые посылки, в то время как папа получает их редко и они не богаты.

Александр Александрович впоследствии рассказывал, что в дни получения посылок он уходил в лес, чтобы не глотать слюну при виде даров огребаемых соседом. Но Стрехович щедро делился с ним всем. Невозможность отблагодарить богатого соседа очень угнетала Щеголева. И лишь изредка, когда и он получал обильную посылку, то старался расквитаться. В таких случаях два горемыки долго торговались, перекладывая гостинцы друг другу. Добрый, щедрый и хлебосольный Александр Александрович весь сиял, когда мог угостить компаньона чем-либо вкусным.

Когда Щеголев-старший, после всех отсидок, высылки с зачетом и без зачета, возвратился в Ленинград, его не прописали на постоянное жительство. Это являлось наглым произволом и нарушением всех прав и законов. Ведь человек отбыл приговор и таким образом искупил свою «вину». После искупления он, естественно, может вернуться к семье, туда, где жил ранее. Но все выходит по-иному, папе предписано покинуть семейный очаг и ехать неизвестно куда, неизвестно для чего. Значит, опять трепка нервов, пустые хлопоты и мытарства.

Щеголева отправляют в Боровичи. Почему именно в этот заштатный городишко? Но, к счастью, как узнала мама, в Боровичах обосновался после окончания медицинского инсти-

тута Роман Росинский. Будучи на хорошем счёту, он может оказать папе протекцию. В других городах он совсем бы оказался на мели.

Протекция помогла не сильно, и Александр Александрович устраивается санитаром в городской больнице. Он состоит при ванной и, совершенно по Зоценко, обмывает больных. Жить Щеголев поселяется в какой-то пустующей баньке. Такова советская доля высокого администратора, способного занять любой министерский пост, образование, заслуги и возможности которого, отвергаются косным и тупым руководством.

Надвигалась еще одна забота: паспортизация населения. Причем ходили упорные слухи о возможном отказе в ленинградских паспортах бывшим нэпманам, их семьям, репрессированным и «чуждым элементам», к которым НКВД относит весьма широкий круг жителей города.

Какие уж тут законы! Кругом голый произвол...

Старший сын учится и работает, мама служит в учреждении, Владик оканчивает техническое училище. Выселение семьи из Ленинграда явилось бы катастрофой не только для молодых Щеголевых, но и для дочери Александры.

Мама, как это ни удивительно, до сих пор смягчает весьма острые углы и трения в семье Грановичей. Без маминого неназойливого вмешательства там царил бы кромешный ад. Когда у Грановичей руководство находилось в руках мамы и бабушки, Александра была вынуждена сдерживать свой несносный характер и истерическую нервозность. Но как только бразды правления перешли к ней, она совершенно распоясалась по отношению к приемным и собственным детям. К сожалению, ее сановный муж был далек от житейских дел и пустил семейный корабль по воле диких ветров. Такова была обстановка в семье и в городе в тот момент, а папа уезжает в Боровичи.

К слову сказать, папин благодетель – молодой Росинский трагически закончил там свою жизнь. Пользуясь в городе большим авторитетом и обладая энергичным характером, он стремился занять наиболее интересные места. В результате он возглавил городскую санитарную авиацию. В один из полетов он погиб – у самолета в воздухе отвалилось крыло.

Трагедия усугублялась тем, что незадолго до гибели молодого врача, скоропостижно умерла его жена. Причиной оказалось то, что она долгое время принимала лекарство, содержащее мышьяк, который накопился в организме в связанном состоянии. На Новый год она выпила спиртного, мышьяк выделился в чистой виде, и отравил ее. Она отдала Богу душу в ту же новогоднюю ночь.

После смерти обоих супругов осталась девочка. Сначала сироту взяла бабушка, а потом она мыкалась по дядьям. Дядя Юрий сетовал, что ничего путного из нее не вышло. Но ведь каждому, хоть немного знакомому с жизнью человеку, известно как трудно девушке быть путной без доброго родительского руководства.

Все эти печальные коллизии совершились позже, а сейчас всему Ленинграду, в том числе и многострадальным Щеголевым предстоит страшная издевательская процедура – паспортизация. Паспортизация, которую несколько лет тому назад клеймили как символ царского полицейского режима. В Большой Советской Энциклопедии, вышедшей под редакцией знаменитого Петрова, имеющего партийный стаж с девяностых годов XIX века, паспорт предан анафеме. А теперь «атрибут царской охранки» грозит тысячам людей крупными неприятностями.

Владислав слышал разговор в ЖАКТе с неким бывшим нэпманом из евреев. Каким-то чудом он сохранился в Ленинграде, видимо его дело числилось на подставном лице. Но он все же боялся разоблачения, высылки в административном порядке и поэтому хотел «добровольно», без подмоченной репутации перебраться в Биробиджан.

Но ему сказали, как отрезали:

– Переселение в Биробиджан возможно только после паспортизации.

Мышеловка за бедным иудеем захлопнулась.

Как, впрочем, и за Щеголевыми...

«Костер», №1—2. 1932 год

ГЛАВА 2

«... Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить.»

И вот настает страшный день паспортизации. Можно себе вообразить то гнетущее состояние, в котором пребывают Щеголевы последнее время. Казалось бы, что уж такого особенного заключается в простой бюрократической операции по выдаче гражданам советских паспортов? Но нет, на самом деле это не так! Всем известно, что суть этого действия заключается в выявлении врагов государства и «чуждых социальных элементов» социалистического общества, примерного их наказания и физического уничтожения несогласных.

В доме, в котором проживают Щеголевы на улице Жуковского, отведено особое помещение для паспортной комиссии. В первой комнате расставлены колченогие стулья для ожидающих своей участи жителей дома, во второй решается их судьба.

Щеголевы втроем ждут своей участи. Папа свое уже получил. Они видят через открывающуюся дверь членов высокой комиссии, к которым робко, как забитые и бесправные рабы, направляются обыватели. По всей видимости, работники комиссии мобилизованы на это грязное и незаконное дело из рабочих ленинградских предприятий. Конечно, все мобилизованные проверены и перепроверены до десятого колена, все они благонамеренные и благонадежные пролетарии и крестьяне. При оценке их умственных способностей, грамотность и культура в расчет не принимались.

Ожидающие видят двух вершителей судеб, сидящих за отдельными столами, – одного более приятного и интеллигентного, вежливого и обходительного и другого – простака с самым неказистым видом. Кажется, что он явился сюда из темной подворотни или из ближайшего околотка. Щеголевы шушукаются и молят Бога о том, чтобы попасть к «интеллигентному». Но Бог рассудил иначе, ему виднее, и Щеголевы скоро убеждаются, что им уготовано посетить «околоток», где их наверняка встретит оголтелое враждебное отношение.

Вот они рассаживаются около стола судьи и кратко повествуют о своих горестях, о том, что отец случайно влип в неприятное дело, отбывал небольшой срок (об этом в ЖАКТе досконально известно), а сейчас живет вдали от семьи, в которой все работают.

Говорят только правду, но несколько смягчая ситуацию и приятно улыбаясь. Приятно, но не заискивающе!

«Судья» слушает их хмуро, задает скупые вопросы. Выслушав, он молчит, потом изрекает:

– М-да, сложный вопрос, имеются аргументы и «за» и «против» вас. Вот что, граждане, надо посоветоваться, обмозговать ваш вопрос...

– Да-да, посоветуйтесь, – Екатерина Константиновна выступает здесь в роли главы семьи, – только, пожалуйста, учтите всю нашу трудовую деятельность, и то, что мои сыновья учатся и работают.

Мама умоляет, но ей ясны подлость и беззаконие всей этой архигнусной трагикомедии, в которой бесовская камарилья палачей безнаказанно измывается над своими согражданами ничем не запятнавшими свою совесть.

Судья смотрит в угол, просит выйти и подождать окончательного решения.

Щеголевы в отчаянии выходят. Кто-то в кулуарах, видимо более разумный, чем пешка в косоворотке, все же сообразил, что выгонять из города трех совершенно невинных, к тому же работающих людей было бы не только преступлением, но и явной глупостью. Ведь с кадрами стало не густо. Одним словом, дело на сей раз решилось в пользу несчастных изгоев, и паспорта им дали. Они остались в Ленинграде. Но надолго ли?!

Властимущих глупцов хватает везде с избытком...

Наверно со времен паспортизации у молодых Щеголевых появились на голове серебряные нити, а мама совсем побелела.

Вскоре после этого «великого демократического акта», гордо нося в кармане «молоткастый и серпастый», как вопияли некоторые горлопаны от поэзии, Щеголев стал встречать людей, которые скороговоркой молили:

– Помогите лишенному паспорта, высланному из Ленинграда.

подавали им много, а затем подавать перестали, так как просители исчезли...

Получив вожеленный документ, Владислав с чистой совестью решил поступить в ВУЗ и действительно поступил. Но, как и все в окружающей его жизни, такое мероприятие оказалось не простым делом и окончилось тоже не просто.

На поступление в институт, надо сознаться, сильно подвинула работа на нелюбимом химическом заводе. Завод имеет для юноши лишь одно притяжение – Катю Балкову, но и она вращается где-то на периферии его сознания. Раздумывая о своем будущем, Владислав все больше убеждается, что химия не его конек. Он явно тяготеет к изобразительному искусству, даже к искусству кинематографа, к людям связанным с творческим поиском, вдохновением.

Между делом Щеголев стал знакомиться с ленинградскими ВУЗами. Конечно, для него на первом месте находилась Академия, но он не мог пока и мечтать о ней. Отпадали и художественные училища, работ по искусству у него почти не имелось. Как-то он и Мишустин ходили в среднюю школу при Академии, и там Саша показал учителям свои работы. Рисунков и акварелей у него была целая грудка, и они на три головы стояли выше несмелых Щеголевских попыток. Но и этих великолепных по мнению друга работ оказалось недостаточно для поступления в последний класс школы.

Щеголев с грустью понял, что сегодня в чистое искусство пути ему закрыты. Однажды, изучая рекламы учебных заведений, он увидел объявление о наборе студентов в ЛИКИ – институт кино-инженеров. Это показалось интересным. К тому же прием осуществлялся без экзаменов! А он числится по заводу рабочим, значит отборочные комиссии не будут чинить препятствий. Ведь в эти черные годы идет очень жесткий отбор по социальному признаку, и значительная часть населения обрекается на возврат к неандертальцам, а часть стоящих на уровне неандертальцев, насильно проталкивается в науку.

Щеголев и Мишустин, два неразлучных друга, недолго думая, подают документы в ЛИКИ. Надо сознаться, что при подаче Щеголев испытывает угрызения совести, он увлек за собой в технический институт талантливого художника, место которого в Академии или, по крайней мере, в художественном училище. Но у Мишустина нет достаточного характера, чтобы противостоять напору товарища.

Абитуриенты с волнением стали ждать ответа от приемной комиссии. И вдруг, к своему ужасу, они читают в газетах постановление о введении с этого года приемных экзаменов. Все рушится! Повеся головы они идут в институт и узнают – да, действительно, завтра надо являться на экзамены по математике, физике, русскому языку и литературе. Какие там экзамены, они со школы не брали в руки учебника!

Пойти и с позором провалиться друзьям не хочется. Но Щеголев все же идет и тянет за собой своего компаньона. Они держат все экзамены, и все экзамены с треском проваливают. Еще бы, например математику принимает Тартаковский, известный ученый, который ненавидит неучей и ставит им двойки с наслаждением. Юноши на испытаниях сидят потупив взоры, лепечут что-то невразумительное, не могут показать линию тангенса, написать закон Бойля-Мариотта. Они все позабыли, а что и помнят, от волнения бубнят косноязычно и невразумительно.

Все кончено, прощай мечта об институте.

После всеобщего и поголовного провала (сдал только один человек и притом на пятерки – Гога Гензель), недорослей собрали в актовом зале бывшей церкви – в здании института некогда находилось архиерейское подворье.

К всеобщему восторгу собравшимся объявили, что дирекция понимает неожиданность введения экзаменов, поэтому не засчитывает двойки и дает две недели на переподготовку. Но чтобы через две недели все было как в кино – «хеппи-энд».

У Щеголева заблестели глаза. Не все потеряно, надо готовиться! И бешеная подготовка началась. Щеголев и Мишустин являются к открытию Публичной библиотеки и уходят с последним звонком. Они распределили дни и часы по предметам и жестко выполняют график. Что-то едят в буфете в течение десяти минут и снова зубрят, зубрят, зубрят. Требуется повторить гигантский материал, сотни страниц учебников. Выводы опускают, запоминают лишь формулы и формулировки. Физику читают как скучный роман, а романы штудируют по пересказам в учебнике литературы. Лишь изредка знакомятся с оглавлениями, чтобы иметь понятие о судьбах героев бесконечного ряда обязательных произведений.

У Владислава пухнет голова, силы его иссякают, но ему помогает его твердый характер, который выковала в нем мачеха-жизнь. Мишустин скрипит и совсем доходит. Он не может выдержать темп, диктуемый расписанием. Как всегда, он оправдывается плохими домашними условиями, слабостью организма. Стыдно так говорить крестьянскому сыну, но дело насчет «слабости» обстоит именно так. По своей конституции Мишустин больше похож на хлипкого городского интеллигента, чем на потомка Микулы Селяниновича.

– Все, больше не могу, – Мишустин лег на стол и закрыл глаза, – сил моих нет, спать хочу! Вот она самая настоящая «эксплуатация» в кино. Пошло все к черту! Пойду лучше огород копать.

– Мишустин! Встать! Осталось 10 процентов, а значит 90 мы уже сделали! – Владислав берет за плечи друга и придает ему вертикальное положение, – нельзя бросать дело, не закончив. Давай-давай, Шурик, еще немножко, и уж тогда отдохнем как следует! Это наш последний шанс!

Мишустину-то что, он пролетарий, а Щеголев все время помнит, что висит на волоске, и надо использовать все возможности не оказаться на Колыме.

Как единый час минуют две недели. И завтра снова на экзамены. Теперь экзаменуют другие преподаватели, помягче, не столь жестокие гонители пролетарских неучей, как раньше. И Щеголев вытягивает на тройки и четверки. Обоих друзей зачисляют на первый курс Эксплуатационного факультета.

А как же завод, согласится ли он с решением молодого химика навсегда расстаться с нелюбимой специальностью? Увы, администрация устраивает скандал, грозит судом и не увольняет Щеголева. Возникает новая тяжелая проблема, очередное препятствие на пути к образованию. К счастью, в институте открылось вечернее отделение, которое позволяет Владиславу совмещать учение и работу. Однако через год вечернее отделение ликвидируют, а студентов зачисляют на дневной поток. Для многих вечерников это явилось катастрофой, и они вынуждены покинуть институт. Но Щеголеву на этот раз повезло. Его, передового рабочего, отработавшего договорный срок, администрация завода с миром отпускает на учебу.

На втором курсе математику ведет Тартаковский. Он ясно излагает трудные разделы, и Щеголев умудряется заработать у него добропорядочную четверку. Бывший нерадивый ученик 30-й Сов. Ед. Труд. Школы, некогда хромавший по всем предметам, в институте понемножку выдвигается в отличники, и ему со второго семестра назначают повышенную стипендию.

Дела как будто бы идут хорошо, но вдруг загредел гром, и надвинулась очередная пакость. После чистки членов партии началась чистка студентов. Как видно, действующая

система террора и угнетения нуждается в периодических кровопусканиях, без которых она жить не может. Сначала в бой вступает легкая кавалерия.

«Легкая кавалерия» – это сборище оголтелых местных горлопанов, ведет допросы, пишет запросы, собирает доносы. Особенно старается гадить всем и каждому однокурсник Щеголева, тупой как валенок член партии, устроивший своему товарищу кучу неприятностей. Эта тварь, на основе злопыхательских сведений полученных из каширского ГПУ, хлопчет об исключении Владислава из института и клеветает по месту жительства. По его подлomu доносу братьев Щеголевых вызывают в милицию, внимательно изучают их биографии и послужные списки. Главное, что этот мерзавец был в хороших отношениях с Владиславом, но действовал против него как лютый враг по наущению сверху. Такую же негодяйскую работу он проделывал и во время чистки партийных рядов. Из него воспитали цепного пса, готового вцепиться в горло каждому по хозяйской команде.

В результате гнусностей, творимых сворой раболепствующих подонков, Щеголева и нескольких других студентов отчисляют из института. За что, за какие провинности?! Нет за ними никакой вины перед родиной, народом...

Щеголев вылетает, а чистый Мишустин, со скрипом осваивающий науки, беспрепятственно продолжает отсиживать часы в аудиториях института, ведь у него блестящая родословная: отец – чернорабочий, а мать – неграмотная крестьянка. Владик не злился на Мишустина и других гегемонов – разве они виноваты, – он понимал, что всему виной людоедская система, возведенная злым гением в ранг государственной политики. Через несколько лет Мишустин получит диплом кино-инженера и назначение в центральные органы кинематографии в Москве. Художником он так и не станет, под боком уже не имелось друга, помогающего в решениях и делах.

Несколько слов о Гоге Гензеле, который единственный из всего набора постоянно выдерживал все экзамены и с отличием окончил институт. Во время чистки под него тоже подкапывались, но он чудом сумел отбрыкаться.

Его папа, хоть и носящий немецкую фамилию, был видимо на хорошем счету у властей и помог сыну успешно вступить в жизнь. После завершения высшего образования Гоге предложили читать лекции в Электротехническом институте. Там он вскоре был выдвинут на должность заведующего кафедрой.

Еще во времена студенчества Гензель женился на очень красивой, но внешне холодной и неприступной девушке, своей сокурснице Лиде Грецовой. Из них вышла великолепная пара – очень умный муж и очень красивая жена. Но брак этот окончился трагически. Пойдя на медицинское обследование, она неожиданно оказалась на операционном столе, и умерла прямо под ножом хирурга. У нее обнаружился рак. Все свершилось за один день. У мужа сделался тяжелейший инфаркт, и он с трудом выжил. Но время лечит, и через несколько лет Гензель женился вторично. Теперь женой его была врач, и это обстоятельство, наверное, помогло ему восстановить здоровье...

Странное дело, весь народ трудится не жалея сил, успешно выполняя пятилетний план, недоедает, не досыпает, днюет и ночует на производстве, ставит рекорды в труде, а вместо благодарности на него обрушивают террор и неслыханные злодеяния. Вражеская рука, видимо, намеривается довести русский народ до белого каления и вызвать восстание. Но советские люди не поддаются на провокации и ломают как угорелые на своих заводах, в шахтах и на полях. Но не тут то было, вместо того чтобы беречь каждую пару грамотных рабочих рук, их, как безропотный скот, рядами и колоннами отправляют в лагеря, где они выполняют самую черную работу, не принося должной пользы.

Однако не все руководители партии и государства являются сторонниками репрессий и беззаконий. Как-то Щеголев и Мишустин получили пропуска в Таврический дворец на собрание, где выступил Сергей Миронович Киров. О руководителе ленинградских большевиков

тогда много писали и говорили. Хвалили его простоту, честность, правдивость, скромность, справедливость и деловитость. На фоне творящегося в стране ужаса, он казался человеком из другого мира.

Сидя где-то на балконе исторического зала и наострив уши, Щеголев слушает речь трибуна. Он говорит о больших делах, свершаемых славным ленинградским пролетариатом, о трудной, но достойной жизни, о нападках врагов, клеветующих на советскую власть. И он изрекает фразу, запомнившуюся Щеголеву на всю жизнь, фразу, странно прозвучавшую на фоне страшной действительности:

– Большевики, – сказал Киров, – являются самими христианнейшими людьми на свете...

Щеголев вздрогнул и огляделся. Все заврожено слушают оратора.

Но как же так, подумал Владислав, «христианнейшие» и вместе с тем вокруг свирепствует террор, косящий жертвы направо и налево, «христианнейшие», а полны лагеря, разбиты семьи, разрушено будущее тысяч невинных людей. Господи, просвети!

На основе сказанного у верноподданных слушателей напрашивался вывод, что если творятся беззакония, то их творят не большевики, а враги народа, надевшие личину большевиков. Значит, получается, что исполнители и вдохновители истязаний невинных, только притворяются доброхотами, а на самой деле – волки лютые?!

Нет, такую гиперболу не могла переварить голова молодого человека, наполненная треском назойливого славословия вождей, руководителей, отцов народа. Не мог же Киров бросить вызов кремлевскому самодержцу и его клеветам, которые за один косой взгляд могли перегрызть глотку кому угодно.

Выстрел в Смольном, оборвавший жизнь Кирова, показал, что клеветы не дремали. Они свершили свой черный суд над христианнейшим ленинградцем. Он стал не ко двору, а точнее – не той веры. Этот выстрел, убравший опасного конкурента, одновременно послужил сигналом к обострению террора, к еще более массовым репрессиям, затронувшим тысячи и тысячи невинных людей.

Новые преследования опять коснулись семьи Щеголевых и разрушили то призрачное благополучие, которое они кропотливо создавали долгими годами.

Здесь к месту упомянуть, что старший брат, уже получивший специальность химика, начал хорошо зарабатывать, и решил обзавестись своей семьей. Он долго собирался и, в конце концов, женился на милой девушке Анне из очень интеллигентной семьи. Венчание совершилось в Греческой церкви, что стоит на площади в конце улицы Жуковского, где в угловом доме живут Щеголевы.

Аня после свадьбы поселилась в семье мужа. Но не минуло и месяца после свадьбы, как однажды она не вернулась с работы. Ее арестовали прямо в учреждении. Формальное основание ареста – шуточные вирши на тему о спасении челюскинцев, которые она показала сослуживцам. В них, между прочим, говорилось:

...Судно потопили,

Самолет разбили...

Стишки не мудреные, доморощенные, вроде тех, что сочиняются о горе-рыболовах и всяких неудачниках. На Анну донесла ее приятельница, видимо, просто выполняя разверстку, спущенную на учреждение. В ней был заказ на чертежников для арестантских проектных бюро, и Аня оказалась подходящей кандидатурой.

Ей запросто дали пять лет, и она... стала работать копировщицей в одном из таких бюро за колючей проволокой, занимающихся строительством электростанций на севере. Невинно осужденная честно отдавала свой рабский труд пятилетнему плану. К моменту кировской трагедии Аня еще сидела в доме предварительного заключения, и Борис носил ей передачи.

После убийства Кирова в Ленинград «для наведения сталинского порядка» нагрянул сам Джугашвили. В Большом доме, где палачи теперь сами побаивались возможности оказаться

на виселице, великий сын сапожника грохочет о том, что все здесь бездельники и Ленинград засорен чуждыми элементами, и его надо немедленно очистить.

От кого очистить?

От матерых и наглых сталинских преступников, творящих свои кровавые дела?! Если так, тогда правильно, давно пора очистить! Но нет, снова страдают невинные люди. Ведь слово Сталина закон, даже больше чем закон, потому что закон можно обойти, а тут должно быть все железно.

Щеголев сподобился увидеть поезд, в котором ехал Сталин. В это время Владислав продолжает работать на Химгазе, расположенном около Фарфоровского поста и ездит на завод по железной дороге. Он окончил рабочий день и ожидал поезда в город. Вдруг на платформу нагрянули гепеушники и всех пассажиров согнали в здание вокзала. Кругом все обезлюдело. Легкая паника, никто ничего не может понять. Но вот мимо Фарфоровского с грохотом проносится курьерский поезд с зашторенными окнами, в которых между занавесками виден яркий свет. Вагонов в поезде меньше обычного и все они международного класса.

Только спустя некоторое время Щеголев догадывается, кто ехал в особом экспрессе. Говорили, что на путях, по которым мчался Сталин, все стрелки были заклинены наглухо во избежание их случайного или злонамеренного перевода, поезда, идущие по расписанию, загнаны в тупики, на дороге дежурило начальство из НКВД и НКПС. Все тряслись за здоровье и жизнь великого человека, неограниченного самодержца, которому поклонялись как языческому идолу.

Имя убийцы Кирова – Леонида Николаева было у всех на языке. С усмешкой рассказывали, что другой Леонид Николаев – преподаватель консерватории ходит сам не свой, его заживо едят глазами всякие блюстители нового порядка, которым безразлично кого рвать на части. Они могли запросто уничтожить и этого Леонида. Но преподавателю удалось умереть своей смертью в октябре 1978 года, а убийцу очень скоро уничтожили.

После смерти Сталина какие-то наивные правдоискатели пытались выяснить, кто направлял руку убийцы, делались туманные намеки, но изыскания быстро прикрыли. В печати только успели сообщить, что все, кто занимался тогда расследованием дела или был к нему причастен, таинственно погибли или исчезли.

Несколько лет спустя сталинское охвостье, глубоко ушедшее в тень, попыталось свалить убийство на зиновьевцев, обозвав Николаева сторонником Зиновьева. Лжецы напрасно трудились, понимающие люди хорошо знали, что убийца являлся чистопородным сталинцем и действовал по наущению все той же сталинской своры. Его науськивали, говоря, что Киров, мол, метит на престол «вождя всех народов». Болван поверил и, подкравшись сзади к Кирову, спустил курок.

Владислав находился на работе в Гидропроекте, когда ему позвонила соседка по квартире Булаковская, и шепотом сообщила:

– У вас гости...

Хотя Владик знает, что соседка злоупотребляет спиртным и легко может соврать, но тут он ей сразу поверил. Он понял, что дома идет обыск, и что опять явились за папой, страшным и ужасным врагом всех народов. А может уже за мной – мелькнула мысль.

«Гости», о которых нашептывала колоритная особа, явились рано утром, после «трудо-вой» ночи, что-то порыли для проформы и увели папу. Как и всех, его продержали пару дней в битком набитой камере и объявили о высылке из Ленинграда со всей семьей.

За что, за какие преступления?

Об этом не было и речи.

Назначили, слава Богу, не Нарым, не Кара-Кумы, а всего-навсего Самару. Папа, как только оказался в кругу семьи, с радостным лицом поведал об этой милости кровопийц. И все вздохнули с облегчением. Негаданное счастье...

Многих загоняли к черту на рога, как горько шутили Щеголевы: пасти белых медведей или черных тарантулов. Только старший сын помрачнел, Аня оставалась в ДПЗ без помощи и посылок.

Хотелось спросить у Всевышнего: за какие грехи он посылает эти муки? Ведь Щеголевы – порядочные, честные люди, любящие свою родину и отдающие ей все свои силы.

В квартире у Щеголевых начались кошмарные сборы вещей к отправке по железной дороге. За долгую жизнь вещи обветшали, еле держатся, но их нужно брать с собой, новых купить не на что и негде. Находятся дельцы, которые наживаются на чужом несчастье. За большие деньги они укладывают и упаковывают имущество высылаемых.

Наскоро папа ликвидирует доски, купленные для раздела большой комнаты с тем, чтобы выделить молодым отдельное помещение. Доски оказались ненужными по двум естественным причинам – сначала сгинула жена, а теперь исчезал и муж. Хорошо еще, что псу под хвост не истратили последние деньги на ремонт!

Владислав, как на Голгофу, отправился с тачкой сдавать вещи в багаж. При оплате у него еле-еле хватило денег, и он окончательно остался без единой копейки.

Вот и настал час расставания с ленинградской квартирой. Это квартира №6 в доме №63 по Жуковской улице. Отсюда выкатывают уже вторую семью. Первыми как «враги» уехали Ставровские – бабушка, дети и внуки, причем вражеской бабушке было уже далеко за семьдесят.

Щеголевы, оглядываясь, с тоской на сердце идут пешком на Николаевский вокзал. Это рядом, пройти всего два квартала от их дома.

Прощай Ленинград!

Нет, до свидания, мы верим, что еще вернемся сюда...

В Ленинграде остаются кое-какие дальние родственники, остается сестра с мужем и детьми. Сам Гранович сейчас болен и от него скрывают высылку Щеголевых. Он очень плох и боятся за его жизнь. А сестра лишается маминой поддержки и помощи.

Тут важно упомянуть о том, что вместе со Щеголевыми уезжает и некая, незнакомая им жительница Самары. Приехав ненадолго в город на Неве, она не может из него выбраться. Все билеты забронированы НКВД для высылаемых! Ни один «свободный» не имеет возможности получить место в поездах, уходящих на север и восток. Незнакомка билась целый месяц и, в конце концов, ее надоумили обратиться к помощи высылаемых же! Щеголевы купили ей билет под видом домработницы.

Эту женщину послала Щеголевым сама судьба, и она потом, рискуя, оплатила им добром в чужом, незнакомом городе.

В 18 часов 29 марта 1935 года вся компания входит в вагон поезда, следующего до Куйбышева. Однако в пути будет пересадка в Плеханове под Тулой. За два дня поездки можно немного отдохнуть от всей суматохи, поспешных сборов, волнений и переживаний.

Ленинград остался позади, а что их ждет впереди?

Из доклада С. М. Кирова на XVII съезде ВКП (б). 1934 г.

ГЛАВА 3

Утром 20 апреля в разных концах города откроются первомайские колхозные базары. Мясо, масло, яйца, сметана, творог, овощи доставят ленинградцам колхозники Дедовичского, Старорусского, Красногвардейского, Дновского и других районов Ленинградской области.

Во время базаров будет усилено культурно-бытовое обслуживание колхозников. Ремонтируются колхозные дворы, чайные и комнаты «Матери и ребенка». На базарах будут продаваться специально подобранные первомайские подарки для знатных людей колхозных полей, для пионеров и школьников.

Поезд движется по необъятной России, и его движение не зависит от настроений пассажиров. Верста за верстой, город за городом, на восток едет целый поезд несчастных и растерянных людей.

Владик уже ехал по этой дороге, но в другую сторону и, наблюдая из окна движение в обратном направлении, он и чувства испытывал противоположные тем, которыми был полон в той их замечательной поездке, когда они отправились с папой в спасительный город Ленинград. Стоя в одиночестве в тамбуре, он горько размышлял о превратностях судьбы: где вы, надежды и радостные ожидания? Ленинград их отринул. Что же делать?

Проехали Москву, перемахнули Волгу, вот и Самара – будущий Куйбышев. Уже видны отдельные здания города. Они по большей части одноэтажные, среди застройки незаметно высоких сооружений, почти нет церковных глав. Заурядный областной город, где полуграмотное руководство в свое время, по партийному самозабвенно, крушило наследие прошлого. Самара – город не очень именитый, еще не столь развитый, не университетский, овеванный лишь славой могучей реки, которую он издавна эксплуатирует. Но все же, это не Кашира, думает Владик.

Спутница, посланная судьбой, поясняет назначение выделяющихся зданий:

– Вон там серый корпус Дома промышленности, далее белый – Дом сельского хозяйства. Главная улица идет вдоль реки и заканчивается у городского Струковского сада.

Много раз задается наболевший вопрос – как с жильем, где его искать? Ведь стоит холодный месяц март, на скамейке в саду не переночуешь. Спутница советует искать в частных домах в районе завода имени Масленникова, около Постникова оврага, Но, конечно, там нет ни водопровода, ни канализации и уборные холодные.

Как все это знакомо по Кашире. Неужели опять приходится возвращаться к разбитому корыту?! В особенности это обидно молодым людям, ни в чем не виноватым даже перед коммунистической родиной.

Чья вина во всех мытарствах? Неумелых, неловких, неудачливых родителей, злой судьбы или же, действительно, Господь указывает им путь, не объясняя его цели?!

Скрипят тормоза, вагон останавливается у дебаркадера. Здравствуй Самара-городок, здравствуй великая река. Чем вы встретите юношу, только начинающего взрослую жизнь?

К вагону спешат одутловатые небритые типы, предлагающие свои услуги. Платформа кишит ищейками ГПУ, ведь прибыл целый состав с государственными преступниками. И во время всего пути было заметно собачье старание ягодских опричников. На некоторых станциях к прибытию поезда платформы очищались и населению не позволяли подходить к вагонам, будто в вагонах везли чумных.

С Мишей Росинским, сыном умершего Федора Михайловича, который, естественно, оказался попутчиком Щеголевых, случился «смешной» инцидент в духе времени. Агенты НКВД, шнырявшие глазами по всем выходящим из вагонов ленинградцам, вдруг заметили у него на поясе нечто, напоминающее кобуру пистолета. К нему тут же подскочила пара шпииков, его под руки завели в здание вокзала.

– Так, гражданин, документики. Это у вас что? – грозно спросили шпики, – вы кто, может быть, военспец или нарком обороны и имеете право на ношение оружия?

Миша этой «шутке» кисло-сладко улыбнулся.

– Нет-нет, что вы, товарищи! Я не нарком и, даже, не шпион. Но этим «оружием» я пользуюсь каждый день, – и с этими словами он извлек из «кобуры» складные ложку и вилку.

– Гражданин, не положено! И, во избежание недоразумений, снимите-ка имущество и спрячьте подальше... – разочарованно промямлили агенты.

А как бы им хотелось поймать, разоблачить, доказать, засадить, уничтожить. М-да, но к ложке и вилке не пришьешь никакого мало-мальски стоящего дела...

Немного испуганный Миша поспешил снять с пояса «кобуру». Черт их знает, что еще могут сотворить такие блюстители права и закона. Ведь стоит лишь на секунду попасть им в лапы, и ваша песенка будет спета. Бедный Миша знал все это очень хорошо, он несколько раз побывал в застенках и выходил из них просто чудом. После каждой отсидки, он с маниакальным упорством каждый раз нелегально возвращался в Ленинград и через некоторое время садился вновь.

Миша Росинский окончил отнюдь не разведывательную школу в Берлине, а искусствоведческий институт в Петрограде, куда только и мог попасть в начале пролетарской диктатуры: никто из революционеров туда не поступал. Затем, в перерывах между лагерями и тюрьмами, защитил кандидатскую диссертацию по средневековому оружию и работал в Эрмитаже. А в грядущую Отечественную войну искусствовед Миша будет служить сапером. Бог поможет ему выскочить живым из той, следующей мясорубки. После демобилизации он опять сядет – вражья сила всенепременно хотела доконать его если не на полях сражений, то хотя бы за решеткой. А в этот раз на него наклеветали его же родственники, когда им пригрозили в НКВД.

Особенно, говорят, старался подхалим и подлипала Тарас – сын Ольги Константиновны Росинской-Турьшкиной. Владик еще во времена петергофских дач презирал трусливого и лживого доносчика Тасика, который сам участвовал в ребячьих шалостях, а потом ябедничал. Вот так Миша и коротал свою молодую жизнь между тюрьмой и койкой, которую ему предоставляли друзья. Надежды получить обратно отнятую жилплощадь у него не имелось.

После войны из последней высылки в Среднюю Азию Росинский привезет с собой молодого человека – нацмена, который сам устроится в Ленинграде и поможет утвердиться Мише. Миша как будто бы даже усыновит его. Опека Миши над азиатом или азиата над Мишей – темная история, но в шестидесятые годы, в результате всех передряг, Росинского разобьет паралич и он, беспомощный, останется на попечении этого человека. После относительного выздоровления, Миша будет слегка волочить ногу и не совсем ясно говорить. Когда же нацмен женится, то молодая жена всеми силами постарается выжить полубольного старика. Но особенно хлопотать ей не пришлось, – Михаил Росинский вскоре умрет сам.

Печально закончится многотрудная жизнь русского, советского человека, не только не совершавшего никакого преступления, но даже не допустившего в своей жизни ни одного неэтичного поступка. Надо было видеть Михаила Росинского – интеллигентного, мягкого, деликатного человека. И чтобы представить его злейшим врагом советской власти, надо было обладать шизофреническим воображением. Но Миша будто попал «на карандаш» к дьяволу.

Тем временем Щеголевы уже вынесли свои пожитки из вагона. В вокзальной суете, они нашли буфет, туалет, камеру хранения и заняли туда очередь. И все пути, к сожалению, им указывало не Провидение, а их нечаянная попутчица.

А Миша Росинский, еще живой и полный планов кандидат искусствоведения, поехал дальше, в немыслимую глухомань, делить жизнь с тарантулами и верблюдами.

Щеголевы понимали, что им «повезло» и они оказались в лучших условиях, чем все те, кто не сошел на станции Самара. Следующим шагом следовало немедленно начать обжи-

вать эту станцию – подыскивать квартиру, хотя бы временную. Щеголевы покидают вокзал и выходят на площадь. Около здания устроен озелененный пятачок, огороженный провинциальным деревянным заборчиком, дальше виднеется трамвайная остановка маршрута №4. Как раз по этому маршруту и следует ехать в район с частной застройкой. Ленинградцы, тепло простившись со спутницей, погружаются в одновагонный трамвай. Одновагонный потому, что на площади не кольцо, а тупик, и трамвай, приехав передом, уходит задом.

Замелькали городские улицы – двух-трехэтажные каменные дома старой постройки с редкими вкраплениями новых зданий из белого силикатного кирпича. В просветах видна широченная Волга, едва скованная льдом. Путники вертят головами, стараясь все разглядеть в новом городе, запомнить дорогу. Да, на столицу, на Ленинград, все бегущее за окном, мало похоже. Эти виды можно сравнить с Охтой, с окраинами, с питерскими пригородными поселками. Грустно становилось на душе у ленинградцев от создавшегося положения, от очередной утраты родного пристанища, но судьба однозначна и необратима и слезами горю не поможешь.

А вагон все тархтит и завывает, без конца тянутся улицы с разномастными постройками и заборами.

– Городишка-то порядочный по размеру, – тихо делятся впечатлениями наши путники. – И каменных строений довольно много. Только почему-то частные домики обращены фасадами не на Волгу, а от реки.

– Надоела, наверно, Волга местным жителям...

Звучат непривычные названия остановок:

– Арцыбушевская, Самарская, Серые дома.

Вот и кольцо у Постникова оврага. Сам овраг очень глубокий и широкий, создавался он миллионы лет весенними водами, стекавшими в Волгу. На красноватых склонах лепятся глиняные мазанки, по кручам выются узкие тропки. По всей вероятности такое же поселение существовало здесь и тысячи лет тому назад. На кольце около оврага стоят трамваи разных маршрутов – второго, пятого.

После длительных расспросов, бесконечных заходов во дворы и в дома, уже к вечеру семья, наконец, обрела крышу над головой. Когда Щеголевы, обойдя всю округу, уже отчаялись и вернулись к отправной точке, недалеко от кольца нашлось свободное помещение, рядом с заводом, ближе к Волге. Пока туда перевезли только ручной багаж, так как вся остальная обстановка, идущая малой скоростью, задерживалась. Задержка обернулась удачей, потому что не успели они разложить чемоданы, как милиция объявила, что ленинградцам жить вблизи завода воспрещается.

Почему? На каком основании?

Никаких оснований! Существовало лишь глупое и незаконное решение местных креatinов, обладающих, к сожалению, неограниченной властью, в особенности по отношению к ленинградцам. В околотке, куда препроводили сосланных, представители власти назвали улицы, где жить нельзя и порекомендовали поселиться за оврагом в Саде-Городе. Опять волнения, мытарства, хлопоты, поиски и расходы. Ничего не оставалось, как подчиниться этим извергам.

Квартира подвернулась невдалеке от оврага, на самом взгорье, в доме не то мордвинов, не то черемисов. Две маленькие комнатки с облезлыми обоями, отделенные от хозяев дощатой перегородкой. В грязном дворе – незлобивая собака Пальма, шерсть у которой серо-бурая и висит клоچьями. Собаку, как заведено у туземцев, не кормят, она целый год не может отлечь и никогда не щенится. Все это, с непривычки, показалось ленинградцам чудовищным и безобразным.

В доме старики-родители, молодая семья и мальчик лет пяти, умственно неполноценный. Съемщики согласились на такую компанию, услышав, что молодые с сыном собираются уезжать на заработки в Сибирь.

Теперь, кажется, можно перевозить и обстановку, которая уже ждет в багажном складе. Громко сказано – «обстановка». Она состоит из полуразрушенных бесконечными переездами вещей, купленных еще в древние времена, уже обшарпанных, разбитых и еле-еле выполняющих свои функции.

На складе грузополучателей окружила толпа извозчиков и грузчиков, вперевод предлагая свои услуги. Они стараются вырвать друг у друга возможность заработать, так как, в связи с бездействием товарной станции, твердого заработка у них нет. Сговорились с парой возчиков. Папа стал оформлять документы, а Владик с братом поспешили к месту получения. И тут младший брат допустил промашку. Когда он вошел в помещение склада, навстречу ему устремилась пара извозчиков, как показалось ему, тех самых, с которыми договорились. Они вопрошающе и жадно смотрят на работодателей, наперебой предлагая начинать погрузку.

– Ну ладно уж, грузите. Вот вещи, – с апломбом изрекает Владислав.

Не успел он договорить, как ломовики стремглав ринулись к багажу и быстро-быстро начали таскать его на подводу. Когда половина мест оказалась на телеге, в дверях возникли действительно подговоренные гужбаны. Между ними и захватчиками началась жестокая перепалка с чисто самарскими оборотами и выражениями. Поднялся несусветный гвалт. Самозванцы отказались сгружать и заявили, что повезут за сниженную плату. В ответ обиженные пообещали наломать им бока и рассчитаться с ними сполна, без скидок. Виновник путаницы представил себе, как будут пересчитывать ребра у обеих сторон и пожалел о своей оплошности.

Случай этот надолго запомнился молодому человеку и, быть может, помог избежать других опасных инициатив. После этих событий, Владислав так и не совершит за всю свою жизнь ни одного опрометчивого поступка. Наверное, такое разумное поведение очень поможет ему в будущем...

Но, в конечном итоге, нанимателям было безразлично, кто повезет их кладь, души у них уже огрубели от собственных невзгод, они стараются не вмешиваться в свару, и скорее тронуться в путь. Наконец, последние ругательства остались позади, и воз выкатился за ворота грузового двора. Возчики дорогу знают и выбирают самый короткий маршрут. Они не очень разговорчивы и, видимо, озабочены спасением своих костей от мщения. Лошадь степенно вышагивает по бесконечным улицам, повторяющим береговую линию. До самого оврага путь заасфальтирован, далее пойдет грунтовая дорога. Вот и дамба через Постников овраг, за дамбой гора и на ее вершине дом с черемисами, с которыми предстоит теперь коротать самарские дни.

Конечно, возчики выпрашивают полную плату без скидки, жалуясь на голодуху из-за бездействия товарной станции. Наниматели не спорят, радуясь уже только тому, что хлопотная операция закончилась, обстановка на месте и можно спокойно благоустраиваться. Им осточертело жить по бивуачному и спать на голом полу, как спит хозяйская собака Пальма. Одна забота благополучно разрешилась, но за ней уже возникает следующая, не менее важная. Ведь нужны деньги на питание, на оплату частной квартиры. Остро встает вопрос о зарплате, о подыскании работы.

Для Владислава не совсем ясен профиль его будущей деятельности. К счастью, теперь у него не одна специальность – он химик, хронометражист, чертежник. Юноша склоняется к мысли, что его больше всего устроила бы чертежная или оформительская работа. У него хорошая графика и из чертежников он смог бы выдвинуться в техники. Но для окончательного выбора профессии нужно ознакомиться с местными ресурсами.

В один из погожих весенних дней братья Щеголевы отправляются в центр на поиски источников хлеба насущного. Они едут в трамвае, глядя на скованную льдом Волгу, на синюющие вдали холмы, поросшие лесом. Но их мысли заняты предстоящими делами и их взгляды рассеяно скользят по заволжским красотам. Сейчас у братьев в карманах лежат ленинградские паспорта, которые в скором времени подлежат обмену на специальные удостоверения адми-

нистративно-высланных, а им хотелось бы в отделы кадров предъявлять полноценные документы, а не поганые бумажонки ГПУ.

Первым объектом атаки братьев-ленинградцев стал Дом промышленности, стоящий в конце главной Куйбышевской улицы. По дороге они рассматривают достопримечательности центра, удивляются при виде нескольких сравнительно красивых зданий.

– Ну что же, для глухой Самары не так уж плохо, – рассуждают неудавшиеся жители Северной Пальмиры, – жить можно! Только зря от завода отселили, можно было бы в пролетарии податься, а потом, глядишь, и в коммунисты...

А что им оставалось делать, как не утешаться увиденным. На самом деле все окружающее было глубоко провинциально. Только площадь с театром и большим административным зданием, выглядят более или менее солидно.

Искатели счастья входят в вестибюль огромного Дома промышленности. Здесь, как оказалось, обитает масса всевозможных областных учреждений. Началось хождение по этажам. Но, увы, на них, как на приезжих из опального города, смотрят с некоторой опаской, и они получают вежливые отказы. По-видимому, ждут указаний сверху, потому что сами ничего решать не могут, боятся как бы чего не вышло. Безработные видят перед собой безликую, безынициативную, серую толпу чинуш, трепещущих перед всевозможным начальством, начиная от вождя народов, кончая последним гепеушником.

Попутно искатели узнают адреса учреждений, находящихся вне Дома промышленности, где мог быть спрос на их рабочие руки.

– Попробуйте в Доме техники железнодорожников на улице Льва Толстого, – посоветовал кто-то после очередного отказа, – там бывают технические выставки и могут понадобиться графики.

– Спасибо, попытаемся, – с усталой улыбкой выдавливает из себя Владислав, в то время как на душе у него лежит камень. Они с братом обошли уже пять или шесть контор и лишь в одной пообещали что-то в далеком будущем. Мало шансов, что и у железнодорожников ответ будет лучше. Но судьба распорядилась по-иному.

От долгого хождения по этажам старший брат изнемог, графическая работа ему не подходит, и он отправляется «домой», к черемисам. А младший брат упорно зашагал на улицу Льва Толстого.

Дом техники помещается в белом одноэтажном клубе железнодорожников. С бьющимся сердцем вошел юноша в клуб, в конце коридора увидел стеклянные двери и за ними детские игрушки – маленькие паровозики, такие же вагончики и детали каких-то механизмов. В коридоре толпится молодежь, звучит музыка, со сцены доносятся реплики актеров. Щеголев немного смущен царящим оживлением, но он понимает, что в клубе так и должно быть, однако его удивляет соседство таких разных учреждений – шумного клуба и серьезных технических кабинетов.

Но сейчас он больше озабочен своими делами. Посетитель открывает стеклянную дверь и спрашивает начальника. К счастью, он оказался на месте.

– Мне сказали, что вам требуется чертежник, я могу предложить свои услуги, – с напускной уверенностью говорит новоявленный специалист чертежного дела.

Начальник, еще молодой, энергичного вида человек в железнодорожной форме, секунду медлит с ответом, разглядывая незнакомца. Надо сказать, что Владислав обычно производит положительное впечатление своей сдержанностью, скромностью и хорошими манерами.

– Не совсем так. А кто вам об этом сообщил?

Эге, «не совсем так», подумал безработный, но, видимо, похоже. Надо уговорить!

– Мне указали ваш адрес в Доме промышленности!

Такой источник информации, видимо, показался солидным.

– Видите ли, нам нужен не чертежник, а художник по техническим плакатам и схемам, – более приветливо поясняет руководитель учреждения.

– Технический рисунок и плакат являются моей основной специальностью, а чертежная работа – вспомогательной, – с искренним выражением лица заключает Владислав. Он изрекает это не кривя душой, потому что уверен в своих возможностях.

Железнодорожник еще раз испытующе смотрит на элегантное пальто соискателя и на источающее рвение лицо художника-чертежника и объясняет будущую задачу.

– Ну, во-первых, нам нужно изобразить большую схему автоблокировки, затем карту железных дорог во всю стену и периодически выпускать технические пособия.

Щеголев с профессорской миной понимающе кивает, будто все это для него пустяковое дело, которым он занимается каждый день, хотя железнодорожной тематики он не знает вовсе.

– Если сговоримся, то мы заключим с вами договор, так как штатной единицы художника у нас нет. Но такое оформление вряд ли вас устроит, – уже совсем дружелюбно замечает работодатель.

Но для Щеголева это была большая удача!

Безработного, отчаявшегося ленинградца все устроит – и большое количество работы и выполнение ее по договорам, без оформления в отделе кадров дирекции железной дороги. Ему совсем не светило показывать там свое дискриминирующее удостоверение НКВД. Бесправному и гонимому ссыльному ясно что увидев эту клозетную бумажонку, будь он хоть лучшим специалистом, в любом советском учреждении ему укажут на дверь.

Тем временем хозяин и работник пошли смотреть стенды для карты и схемы загадочной блокировки. Художник с замиранием сердца взирает на многометровые поверхности, подготовленные для работы, лихорадочно обдумывая, сколько же следует запросить денег, так как дело клонится к заключению соглашения.

– Схема блокировки сравнительно не сложна и я смогу ее выполнить рублей за триста, а карту за восемьсот-девятьсот. – не очень опытный подрядчик с трепетом в душе, но твердо называет цифры, понимая, что заведующий проверяет его.

Названные суммы, по-видимому, устраивают начальника, он не возражает. Может быть, его несколько настораживает дешевизна труда мастера, но возможно, он понимает, что скидка сделана для первого знакомства. Московские оформители взяли бы вдвое дороже. Сговорились, что на другой день специалист технического рисунка явится с готовым договором.

Это было триумфом, первой победой на чужой земле! На следующее утро счастливый Владислав подписал договор на 1150 рублей.

– Для начала не плохо, – скромно говорит младший сын, делясь с семейными своей радостью. – А работа не представляет затруднений. Вот только где раздобыть инструменты, кисти, краски.

И работа закипела, и в течение 12 дней схема блокировки была выполнена. На схеме изображены рельсы, от которых к светофорам отходят проводники тока, образующие вместе с реле и источниками питания замкнутый контур, реагирующий на прохождение поезда включением красного, желтого и зеленого света.

Начальник технических кабинетов или иначе – Дома техники – Александр Сергеевич Чепурнов, первыми произведениями Щеголева остался доволен. Все выполнено четко, ясно, грамотно, красиво. Конечно, следующее задание – карта железных дорог, потребовало больше труда, терпения и изобретательности. Художник трудился, не жалея сил, по 10 – 12 часов ежедневно. Громоздясь весь день на лесах, к вечеру он валился с ног, с трудом добираясь через весь город в свой Сад-Город, к черемисам...

В те же часы в кабинетах ведутся занятия, сидят машинисты, сцепщики, стрелочники, повышающие квалификацию. Лекции читают Чепурнов, Зубов – начальник отдела подготовки кадров Куйбышевской дороги, инженеры из дирекции. Читает здесь и Вера, молодой инже-

нер путеец. Она иногда остается по вечерам и, закончив работу, Щеголев развлекает ее рассказами о Ленинграде, об Академии художеств, обо всем, что он повидал на своем недолгом веку. Веру увлекают красочные рассказы художника, и между молодыми людьми завязывается дружба. Из разговоров Владислав догадывается, что у девушки имеется жених, живущий в другой городе. Впоследствии предположение подтвердилось, и Вера уехала к жениху в Горький. А пока, до отъезда, молодые люди проводят вместе вечера, ходят на концерты, загорают на широчайших волжских пляжах.

Ах, какие это пляжи! С чистым, золотистым, мелким песком, тянувшиеся на километры. И совсем безлюдные. А на другом берегу перед глазами разворачивается панорама города, спускающегося по крутым уступам берега к самой воде. Светлые здания, утопающие в зелени, ленты асфальта, ползущие по ним подводы и автомобили. И солнце, солнце, заливавшее все ярким, таким ясным не ленинградским светом.

Юноша и девушка переплывают Волгу на лодке и располагаются на горячем песке. Владик успел так загореть, что цвет его кожи мало отличается от цвета черных плавок. У него даже ладони и ступни коричневые, Вера ахает, удивляясь красивому тону загара спутника. На обнаженного юношу действительно приятно посмотреть, он темный как папуас, сухопарый и гибкий, точно лоза. Вот только ранняя седина говорит, что перед вами человек, уже успевший многое пережить...

Девушка иногда позволяет поцеловать себя, и Владик осторожно пользуется разрешением. Искоса он поглядывает на город, на тысячи окон, обращенных на них, и ему кажется, что из каждого окна выглядывает какой-нибудь любопытный блюститель нравственности, вооруженный телескопом. Молодая пара возвращается домой на закате, разморенные долгим пребыванием на жаре, хотя оба купаются часто и подолгу.

К купанию, надо сознаться, Владик относится с некоторой опаской. К своему позору он не умеет хорошо плавать. Такой афронт, по его мнению, объясняется тем, что он сухой, тощий, и совершенно не имеет жировых отложений и при попытках научиться плавать он плывет только... ко дну. Вера беспокоится за него, когда он очень отдаляется от берега. Здесь берег и дно идут полого, самая глубина, вероятно, у городского обрыва, так что можно долго идти, погружаясь понемногу.

Плывя на лодке, они лавируют между белоснежными пароходами, буксирами, тянущими тяжеловесные баржи, баркасами и катерами. Движение на великой реке не прекращается от зари до зари. Юноша хорошо гребет и уверенно пересекает водную гладь. Он учитывает снос течением и всегда точно пристает к бонам лодочной станции. Пляжники высаживаются, сдают лодку и идут по теплым, освещенным фонарями улицам, тихим и спокойным в вечерний час.

Как же все чудесно вокруг!

Не жарко и не холодно, из сада доносятся шум веселья и музыка и, невольно, забываются и бесправное положение, и зверства ГПУ, и весь этот адский котел, в котором многие годы варится семья Щеголевых.

Владу с Верой хорошо. Она очень спокойная, с мягким характером, у нее милое доброе округлое лицо, большие детские глаза и статная фигура.

Но вскоре Вера уедет в Горький. Ей и хотелось, и не хотелось уезжать. Там ее ожидает жених, друг детства, надежный, положительный юноша, которому Вера обещала свою руку. А в Самаре оставалась новая привязанность – ленинградец Владик, художник, так живо и интересно описывающий чудеса Северной Пальмиры.

Но Бог ее хранил, что испытала бы она, оставшись с Владиславом...

Навсегда они распрощались около ее дома.

Стоит уже осень, и Владислав в тон времени года одет в желто-коричневые тона. На нем рыжеватая меховая пушистая кепка, кожаная куртка, коричневые брюки, краги и ботинки – шикарный столичный пижон.

Осень, осень...

Он уходит по дощатому тротуару, не оглядываясь, а девушка, стоя на крыльце, все глядит и глядит ему вслед.

Прощай дорогая, милая Вера, думает Владислав, прощай навсегда, нам уже никогда не выпадет счастье встретиться вновь.

Больше ни весточки, ни слова, одни лишь воспоминания.

Жизнь, тем не менее, продолжается, кругом совершаются всякие события вполне соответствующие духу времени.

Щеголев случайно познакомился с молодежью из круга «сменовеховцев», которых тоже выкатили из столичных городов в Самару. «Сменовеховцы» – это белые и не белые эмигранты, бежавшие за границу от русской революции. Одумавшись, да к тому же частенько не имея средств к существованию, они поспешно стали менять вехи и принципы: от оголтелой враждебности к новой власти, до полного ее понимания, все более убеждаясь, что на чужбине не сладко и без родины горько. Подробностей о России они не знали, питались слухами и надеялись на помилование.

Возглавлял кампанию по смене вех писатель и граф Алексей Толстой. Он являлся посредником между советскими органами и зарубежными соотечественниками.

Конечно, «органы» сулили полное прощение ренегату, а еще и особняк, дачу и золотые горы. Еще бы, перед ними юлил настоящий граф, талантливый, видный писатель, и они зарились переманить его на свою сторону. А Сталин, наверное, рассчитывал использовать его в качестве придворного биографа. Эмигранты, замороженные лживыми посулами, опрометчиво сорвались с насиженных мест и двинулись на родину.

Сначала в Советской России они жили тихо и мирно, осваиваясь в новых условиях, а через некоторое время, когда в ГПУ стали иссякать клиенты для тюрем и лагерей, их всех разом и запросто посадили. Позже часть из них выпустили, взяв подписку об осведомительской работе, других, более строптивых, выслали из столиц. В общем, обошлись с ними куда хуже, чем обходились иностранные власти. Эмигранты попали на подозрение как возможные шпионы, диверсанты, потенциальные враги, завербованные империалистическими разведками.

Сменовеховцы ударились в панику и горько сожалели, что вернулись в «горячие объятия матери-родины». Им действительно стало горячо на родной земле. А сам бывший граф в это время благоденствовал в своем особняке, позванивая загадочному другу Ягоде в стальной бункер НКВД:

– Ах, дорогой Генрих, сегодня я видел тебя во сне. Будто Меншикова сместили, а тебя назначили сподвижником Петра Алексеича...

– Скажи, о летописец, а под сподвижников тоже подкапывались царедворцы?!

– Гм, гм...

Советскому графу стало совсем не по себе когда «царедворцы» подкопались и под милого друга, и быстренько его изничтожили. Писатель понял, что спокойнее находиться подальше от своры грызущихся псов и целиком посвятить себя более безопасному Петру Алексеичу. Над покойным императором можно было самому поиздеваться, перекрашивая жестокого самодержца в передового демократа, пекущегося о благе смердов. На это его благословил сам Иосиф Виссарионович, которого начали сравнивать с великим преобразователем Петром I. Поэтому стало необходимо трансформировать крутого деспота Петра Алексеича в любимого отца народов. Теперь, сквозь века, оба благодетеля, безо всякого неудобства, могли протянуть друг другу руки, правда, перепачканные по локоть чем-то красным.

Но все же необходимо признать многогранный талант и диапазон конъюнктурного писателя – его героями были и марсианская Аэлита, и великий царь, и «думающий» большевик Телегин, и «сочувствующий» белогвардеец Рощин. Отличился Толстой Третий и в фальси-

фикации, написав явно заказные дневники Анны Вырубовой, в которых он попрактиковался в лживом жизнеописании царствующих особ.

Но все же главное место в творчестве красного графа, по мнению Щеголева, занимает острое сатирическое произведение «Приключение Буратино», каким-то непостижимым образом, пропущенное цензурой, раскрывшее всю крамольную сущность пролетарского аристократа. Вот краткое изложение этого сочинения в версии Щеголева:

«Жило-было полено, то есть печная чурка. Как-то, при неизвестных обстоятельства, его взял в руки папа Карло Марло и из неотесанной стоеросовой дубины выстругал человечка, неказистого, с большим носом и с деревянными мозгами. Но хитрого и бойкого, что сразу и проявилось в случае с подлой продажей основополагающей Азбуки. Одним словом, законченного образования бывшему полену получить не удалось.

Папа Карло выпестовал уродца, одел, обул, показал, нарисованный на стене вечно горящий огонь свободы и котел с дармовой похлебкой, которой может хватить для всех бедных людей. Но деревянный человечек не удовлетворился одним созерцанием мифических благ, а стал действовать. Убедив в необходимости сотрудничества для поисков бесплатного пропитания подвернувшихся паяцев из заезжей труппы марионеток, которой управлял некий бородатый Хозяин, он организовал в этом Театре Жизни мобильную боевую группу.

Надо сказать, что и сам Хозяин, был не лыком шит, и стремился к абсолютному господству в отдельно взятом общегосударственном «театре» и предпринимал действия для полного захвата власти. Чурка, пытаясь перехватить инициативу, проник на тайное совещание Хозяина со своим подручным, имеющим отнюдь не народную фамилию, и узнал, что все дело заключается в золотом ключе, открывающим двери ко всем сказочным богатствам. Естественно, бедный Карло Марло был тут же забыт – неродной и неблагодарный сын только прикрывался его именем в случае опасности.

С помощью сложных, авантюрных действий, включающих в себя разорение меценатствующего трактирщика, победу над противоборствующей группировкой Плешиной Лисы и Мартовского Кота, сопротивление полиции, побег от королевских наймитов с помощью подсадной утки, прямой обман политических пресмыкающихся, негибемый борец все-таки прищепил Хозяину бороду и заставил его уйти на покой. А его приспешника, дружившего с кровососущими созданиями, кардинально отстранил от решения любых вопросов, выслав за границу.

Справившись с противниками и «попутчиками» и получив золотой ключ, блудный сын вернулся под кров своего отца – Карло. Но временно, только чтобы воспользоваться потаенной дверцей, которая вела к марионеточному счастью. В итоге, Деревянный Человечек восторжествовал, создав для своей труппы элитные условия и получив в безраздельное управление собственный «театр»».

Этот скрытый смысл остается на совести Щеголева, он никому не рассказал о своем новом прочтении философского сочинения графа, заслуженно носящего великую фамилию – Толстой...

Подобно «сменовеховцам», не менее трагическую историю, пережили и бывшие работники КВЖД, вернувшись из-за границы в Россию. Но их возвращение совершилось не в силу смены принципов, а вследствие продажи старой русской концессии в Китае – железной дороги японцам, хозяйничавшим на севере китайской территории как у себя дома. Торги длились много месяцев и покупатели не брезговали никакими средствами и провокациями, чтобы заполучить дорогу подешевле. Русские назначили цену в двадцать миллионов долларов за все хозяйство и подвижной состав, а японцы – пять миллионов. Сошлись «посредине» на сумме в десять миллионов. Часть русских сотрудников дороги осталась в Китае, а другие, обманутые пустыми обещаниями, вернулись на старую родину. Реэмигрантов поселили в окраинных городах, не пустив в столицы. Там они кое-как перебивались, живя на частных кварти-

рах, так как казенных им не дали. Власти строили главным образом фабрики и заводы, а жилье возводили в минимальном количестве и только для рабочих этих же предприятий.

Владислава познакомили с интересной девушкой, недавно явившейся с Дальнего Востока. Молодой человек расшаркался перед красивой великолепно одетой особой и назвал себя. В ответ услышал весьма сдержанное – Галина.

На одной из вечеринок, ради знакомства, Владислав расщедрился. Стол ломился от вина, закусок и сладкого. В эти годы и в самарских магазинах можно было купить все. За столом Щеголев обратил внимание на то, что сидящая рядом с ним очаровательная девушка ничего не пьет.

– Мне нельзя, понимаете, нельзя. Потом, через некоторое время, но не сейчас. Мне необходимо сходить домой на десять минут.

– Правильно, не пей Галя, – поддакивала ее подруга, загадочно улыбаясь. Заинтригованный кавалер терялся в догадках. Через полчаса девушка ушла, но вскоре вернулась и больше не отнекивалась. Пила и закусывала уже без возражений, но все совершала изящно и тонко. Юноша смотрел на ее прелестнее лицо, высокую грудь и глаз не мог оторвать. Девушка действительно была красива. Она выглядела тем идеалом, за которым так долго и тщетно гонялся наш художник. И в беседе за словом в карман не лезла, обнаружив высокое развитие и начитанность.

Да, вот она! Богом данная, чудная невеста, свободная, желанная и с первого взгляда расположенная к молодому ленинградцу.

– Да, брат, – сказал после вечеринки приятель Владислава, который так же угощался за его счет, – здорово тебя закружила эта «девушка». А пить она не могла до кормления ребенка. У «девушки» двое детей, а муж арестован и живет она с матерью.

Услышав такую новость, обманутый в надеждах молодой человек внутренне вскипел. Вот тебе и невеста, вот тебе и идеал. Юноша был шокирован, и между ним и прелестной Галиной все связи оборвались.

Конечно, она и мать рассчитывали на возвращение мужа из тюрьмы. Галина, вернее Ханна, и ее муж были евреями, и русский Владислав представлялся ей не совсем подходящим партнером на жизненном пути. Мистифицированный молодой человек очень страдал и навсегда запомнил коварную, но такую совершенную, обаятельную и влекущую женщину.

Кроме Галины из числа бывших сотрудников КВЖД, Щеголев узнал и еще одну молодую девушку, поступившую на работу в Дом техники, которую он про себя назвал Достойной особой. Эта особа была действительно прекрасной и достойной, но Владислава охлаждала ее чопорность, высокая интеллигентность и щепетильность во многих жизненных вопросах. Ленинградец в обществе этой барышни терял свою обычную красноречивость и свободу, опасаясь сказать какую-нибудь пошлость или глупость. А девушка была и красива, и свободна и могла бы стать ему верной подругой. Думая о своей новой знакомой и о возможности соединения с ней своей судьбы, молодой Щеголев всегда останавливался в растерянности перед вопросом о материальной обеспеченности будущей семьи.

Кто он по своей квалификации и специальности? Фактически никто. У него нет образования и профессии, его заработки случайны и неверны. Его бесправное состояние не позволяет ему занять в обществе положение соответствующее его способностям, энергии и уму. А всю жизнь перебиваться, плодить нищих и влачить зависимое жалкое существование, представляя своей подругой эту холеную особу, он не мог и помыслить.

По правде сказать, Владислава удерживало от серьезных шагов еще и то обстоятельство, что он однажды в ее присутствии зверски напился на торжественном вечере в Доме техники. Его явно подпоили, потому что он всегда знал меру. После такого афронта ленинградец чувствовал себя опозоренным, просил извинения, но смотреть в глаза Достойной особе не решался.

Жизнь на берегах великой реки идет своим чередом, и местные события вполне сочетаются с общегосударственной политикой. В силу этого страшного единства, вскоре всех бывших работников КВЖД арестовали. Всех до единого человека. Их заподозрили в шпионаже, в контактах с японской разведкой. Доказательств этому не имелось, но им инкриминировали не столько уже совершенные, сколько будущие антисоветские деяния.

Вероятно, за рубежом узнали о творящемся в России геноциде, и там поднялся страшный шум. Не желая портить репутацию самой свободой страны в мире, тюремщики, перемыв арестованным косточки и процедив всех через частое сито, некоторых все же выпустили, видимо, отобрав подписку об агентурной работе.

Счастливо выбралась из застенка и очаровательная Ханна, имеющая двоих уже начинающих ходить детей и одного еще сидящего мужа. Благополучно возвратилась и Дстойная особа. Увы, невзирая на всё совершенство этих женщин, Щеголев навсегда вычеркнул их из своей жизни. Вот так – одним махом!

У нашего ленинградца случаются и другие интрижки, которые ему подстраивают корыстные «друзья». Но он смотрит на новых знакомых девушек и женщин только как на собутыльников.

Родителей, конечно, беспокоит то, что младший сын иной раз поздно возвращается из гостей, но, в общем, они уверены, что он не натворит явных глупостей и не перешагнет допустимой черты. Папа всем происходящим с сыном очень недоволен и выговаривает ему за его бестактность, например, в общении с очередной N.

– Скажи, чем теперь тебе плоха эта девушка, – возмущается папа после следующего «развода» Владика. – Очень порядочная и интеллигентная, из нашего круга.

– Папа, да она сухой «книжный червь» – из библиотек не вылезает!

– Видимо, обладает литературными способностями...

При обсуждении каждой следующей кандидатуры мама всегда имеет особое мнение и, как правило, принимает сторону сына, например:

– Но она какая-то вся расслабленная, точно бескостная... – или, – ...а, как она жмет руку?! Ощущение, что пожимаешь мокрую тряпку.

– Что ж из того, у каждого своя манера держаться, – парирует папа. Владик помалкивает.

В его памяти возникает милая, мягкая, женственная, но вместе с тем собранная, деловая Вера, вспоминается обольстительная, очаровательная Галина и, конечно, перед глазами встает вызывающая восхищение Дстойная особа. Он расстался с ними, но какие-то невидимые нити связывают его с прекрасными молодыми женщинами. На их фоне Владик с отвращением представляет себя рядом с любой другой «порядочной и интеллигентной». Но разве объяснишь все, что чувствуешь, папе...

Живя в Самаре, Щеголевы узнали несколько семей высланных ленинградцев, живущих на ближних улицах в Саде-Городе. В соседнем доме обитает семья Карповых. Брат иногда навещает их, но Владик их почему-то не жалует. А почему, собственно? Этого не может объяснить даже он сам. Неужели потому, что там его пугает обилие девушек на выданье?!

Глава этой семьи в Ленинграде являлся видным научным работником и радиоспециалистом, а здесь не может получить хотя бы какую-нибудь должность. В дворники его не берут потому что он ученый, а в ученые он не годится потому что вышел не из касты дворников. После долгих хлопот через Москву, радио-инженер устроился на работу в далеком сибирском городе. Он был действительно крупным ученым и в Самаре, по наивности, первое время никуда не показывался, опасаясь, что его будут рвать на части. Какое там! Через несколько недель он вымаливал хоть поденную работенку.

Вездесущие враги, маскируясь бдительностью, вредили техническому прогрессу и науке. Ежовские ищейки, высунув язык, шныряют среди народа, выискивая новые жертвы. Они обязаны соблюдать сталинский догмат, гласящий, что с развитием социализма сопротивление его

врагов нарастает, и что, следовательно, их нужно в возрастающем количестве вылавливать и ликвидировать. Эта сволочь опасалась, что чуть зазевайся, и жертва, без их помощи, самостоятельно попадет в мясорубку.

Вскоре Щеголев услышал, что бесследно исчез в застенках НКВД Зубов – начальник отдела подготовки кадров Куйбышевской дороги. Он узнал об этом, заглянув в Дом техники к Чепурнову. Чепурнов заметно струхнул, ведь следующей жертвой наверняка числился он. Сложившиеся весьма скверные обстоятельства вынудили его папашу заслуженного старого железнодорожника искать знакомцев среди гепеушников и клясться перед ними, что почитает «вождя и учителя» как бога. Помогло. Молодой Чепурнов уцелел. Ведь палачам безразлично кого хватать, им важно выполнить норму по количеству. Они вместо Чепурнова внесли в список, скажем, Росинского.

Щеголевы получили письмо, где сообщалось, что Михаила Михайловича Росинского, брата давно арестованных Константина и Алексея, без долгих разговоров посадили. И верно, его невозможно было оставить на свободе, так как он занимал очень ответственный пост, и мог страшно навредить коммунистам. Ведь он устроился... учителем пения в начальной школе. Подумать жутко – он, будучи ярим классовым противником, угрожал советским детям изучением на уроках песенки не о чижике, а о пыжике!

По мнению людей здравомыслящих, нехватка кадров для тюрем и концлагерей могла создаться лишь по глупости – в условиях современной России никто никуда не имел возможности скрыться, уйти в подполье. Тотальная система доносительства, густая сеть осведомителей среди населения, невозможность выезда за границу, все делало жертвы совершенно беспомощными перед хищной пастью репрессивных органов. Затравленные обыватели тихонько сидели, боялись пикнуть и, как бараны на бойне, ждали своей очереди.

Эх, русский народ, угнетатели всех веков превратили тебя в бессловесного раба, поклоняющегося злему шайтану и безропотно ожидающего удара топором по шее...

Подозрительность, насаждаемая везде и всюду, достигла вершин идиотизма. Щеголев видел своими глазами ученические тетради с оторванными обложками, на которых был изображен пушкинский дуб у лукоморья. Их отодрали потому, что в узоре листьев сумасшедшие блюстители вычитывали буквы, составляющие хулу дорогому вождю. И это не анекдот, а горькая, но странная правда. Жить стало невыносимо и очень опасно. Любого и каждого могли обвинить в том, что он хоть и не совершил ничего плохого, но мог подумать об этом. Только дьявольски изощренные истязатели способны изобрести такую адскую систему. По мысли сталинской своры, эта система должна была полностью подавить даже воображаемое сопротивление масс.

Наблюдая и переживая эту чертову карусель идиотизма, террора, мракобесия, надругательства над законом, человеческими правами, честью и совестью, можно было сойти с ума. И Щеголев, чтобы хоть немного отрешиться от страшной действительности, старается уйти от людей подальше. Летом он сидит в одиночестве на берегах величественной и спокойной Волги, весной и осенью пишет этюды, а зимой катается на лыжах. Он любит стремительно спускаться с крутого берега на лед или отправляется через реку на пологие, заросшие шиповником холмы, где изучает многочисленные следы зверей и птиц. Только там, на лоне великолепной природы подавленный и озабоченный молодой человек сбрасывает напряжение и мечтает, беседует с прошлым и будущим. Он думает о том, что уже были на русской земле беспощадные завоеватели и тираны, попиравшие законы и права народа. Были, творили зло и насилие, но где они сейчас?!

Их нет и в помине, они растворились в земле, воде и воздухе. А чудесные поля, холмы, деревья, белоснежные облака и ветер не подвластны злу, они вечны и в сравнении с ними всякие чингиз-ханы, иваны грозные, иосифы джугашвили, кажутся ничтожными, мелкими сорняками, которые народ выпалывал с корнем. Да, подытоживает лыжник, отмеряя километры

на волжских берегах, это должно свершиться и теперь, мутная пелена спадет с глаз людей, и они сбросят очередное иго. Вот только, дай Бог, не погибнуть бы во мраке раньше заветного часа.

Владислав возвращается домой и темная фантазмагорическая действительность снова обступает его. Правда, иногда мелькнет яркий огонек...

Под новый 1936 год Борис сообщил радостную весть о свободном приеме в ВУЗы и техникумы, невзирая на социальное происхождение. Стало легче на душе, и горизонт чуть-чуть просветлел.

– Ура! Значит и я смогу получить специальность и не околачиваться на последней ступени социальной лестницы, – говорит ленинградец, и он искренне рад, так же, как вероятно рады тысячи других гонимых и бесправных.

Но чем вызвана такая милость?

Конечно, отнюдь не смягчением нрава деспота. По всей видимости, шум, поднятый во всем мире о сталинском правлении и, в частности, о недопущении к образованию огромного количества молодежи, возымел свое действие. История говорит, что даже самые реакционные восточные тирании не мешали способным, жаждущим знаний юношам, получать образование.

Следующей отрядной неожиданностью послужила обмолвка Сталина о том, что «сын за отца не отвечает». То есть, теперь Владислав не отвечал за преступные деяния Щеголева-старшего, который в свое время злодейски выпиливал лобзиком гроб всей Советской власти. За эту обмолвку вождя сейчас же ухватились дети, высланные вместе с родителями.

Вот выписка из дневника Владислава Щеголева того времени:

«16 марта 1936 г. Собрав девять человек таких же, как и мы молодых синибилетников, послали телеграмму о «помиловании» (правда, не совершив никаких злодеяний) Сталину, Молотову. В Уфе по таким же ходатайствам освободили 29 человек. В Куйбышеве сейчас царит телеграммный ажиотаж...

26 апреля 1936 г. Получил в НКВД бумажку следующего содержания:

Справка

СССР. Народный Комиссариат Внутренних дел. Управление НКВД по Куйбышевскому краю. 14 апреля 1936 г. город Куйбышев.

Выдана гр. имярек, в том, что он от отбывания срока ссылки, определенный ему постановлением Особого совещания при НКВД от 23 марта 1936 г. – освобожден.

Так неожиданно закончился первый этап самарского периода жизни Владислава Александровича Щеголева. Но было бы наивно думать, что все мытарства молодых Щеголевых окончились. Не тут-то было!

В Самаре через отца Владислав познакомился с еще не очень старым ленинградцем – Петром Николаевичем Стасенко. Увидев его первый раз, Щеголев сразу понял, что перед ним военнослужащий царской армии.

И действительно, Петр Николаевич не скрывал, а может быть даже присочинял, что он имел звание полковника и воевал на германском фронте. Молодого человека поразило то, что бывший офицер в точности сохранил походку царских генштабистов. Он важно ходил перед новым знакомым, выворачивая колени и пятки. Щеголев не раз наблюдал такую манеру у офицеров и генералов Ставки на царских смотрах, когда их показывали в документальных фильмах. Так вероятно вышагивал военный министр Сухомлинов или главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич. Щеголев смотрел на эту походку так, как если бы он увидел походку мамонта. Ему казалось, что перед ним сановный военный из близкого окружения императора или великого князя.

Бывший полковник являлся человеком предприимчивым и деловым. Гражданской специальности у него не имелось, но в трудных условиях он не растерялся. В свое время, до мобилизации на фронт, он прослушал один или два курса на скульптурном факультете Академии

художеств. И это, как посчитал начинающий ваятель, навсегда определило его близость к великому русскому искусству.

Теперь несостоявшийся скульптор со знанием дела сыпал именами своих великих соучеников, и давал безапелляционные характеристики различным течениям в дореволюционном искусстве. Он запросто судачил о Чурленисе, Куинджи, Кустодиеве, декадентах, «Мире искусства», «Ослином хвосте». Оба, старый и молодой, наслаждались подобными разговорами, но болтовня не мешала бывшему студенту академии с походкой и замашками главнокомандующего обдѣлывать свои делишки!

Тотчас по приезде в Самару он явился в городские учреждения торговли и предложил свои услуги. Мастер открыл чемодан и извлек из него форменные чудеса. Все ахнули! Перед глазами советских торговцев красовались лоснящиеся от жира колбасы разных сортов и форм, фигурные торты, сыры с дырками и со слезой, румяные яблоки и янтарные груши. Слюнки текли при взгляде на эти вкусные вещи.

– Вот, пожалуйста, все что угодно для покупателя. Все изготовлю и доставлю. Мимо такого товара не пройдешь!

Это были искусно сделанные муляжи, но публика в восторге останавливалась перед витринами, где были выставлены изделия ленинградского «скульптора», радующие глаз добротностью, свежестью и аппетитностью.

Не мешкая стороны заключили договор на изготовление 100 копий. Работа закипела. Мастер получал образцы товара, делал по ним гипсовые формы и заполнял их бумажной массой. Когда заготовка отвердевала, ее извлекали из формы, сушили, раскрашивали, смазывали машинным маслом и вручали заказчику. Так, весьма доходно, реализовались элементарные навыки по созданию и формованию слепков прекрасных носов, ушей и голов Давида и Аполлона, полученные студентом на первых курсах академии. Будучи завален заказами, мастер привлек к своему делу Владислава Щеголева. И в перерывах между работами в Доме техники, Владислав начал сотрудничать с имитатором и, надо заметить, кое-чему у него научился. Теперь он сам мог изготовить аппетитную «Гамбургскую», «Салями» или арбуз для собственного употребления.

Перед праздниками Стасенко брал подряд на изготовление больших пропагандистских макетов для демонстраций и в этом деле ему активно помогал Владик.

После воцарения в НКВД Ежова, начавшего зверствовать еще свирепее, чем это делал даже его предшественник Г. Иегуда, наш муляжист выполнил из папье-маше композицию по рисунку Моора – «Ежовы рукавицы». Так сами жертвы славили того, кто пил их кровь и ел их мясо...

Затем была воссоздана эпопея челюскинцев с льдиной и палаточным лагерем, где ютились команда и пассажиры ледокола «Челюскин», раздавленного торосами. Льдину сделали из фанеры, она достигала метровой толщины, и на фанере нужно было создать иллюзию льда с его блеском и прозрачностью. Трудная задача! Петр Николаевич попытался сам достичь нужного эффекта, но у него вышел мрамор, а не лед. Тогда за дело взялся Щеголев. Он растушевал фон зеленовато-голубой краской, а потом белилами наложил блики. Получилось очень похоже. Такой лед художник видел на Волге, когда она вскрывалась.

У Петра Николаевича имелась экономка, еще не старая, не очень красивая, но преданная женщина. Она не была выслана и в Самару, как декабристка, поехала добровольно. На правах заведующей всем хозяйством она пеклась о заработках своего подопечного, и с опаской наблюдала за возможным конкурентом – сноровистым молодым компаньоном.

Однажды Стасенко решил оформить договор на имя Щеголева. Он хитрил, опасаясь санкций финорганов и желая переложить часть ответственности на помощника. Владислав явился в Облторг чтобы подписать документы, но оказалось, что Стасенко, напуганный экономкой, вновь перевел договор на свое имя. Объясняя это великий муляжист сказал, что он

хочет быть полным хозяином всего дела, а удел Щеголева быть поденщиком, ведь у того имеется другая, основная работа.

– Ну что ж, – сказал поденщик, – не будем подогревать опасения расчетливой экономки и ревнивого колбасного скульптора...

И Владислав прекратил сотрудничество с недоучившимся студентом, имеющим велико княжескую походку. Стасенко навсегда избавился от потенциального конкурента.

Как Щеголев узнал впоследствии от экономки, Петр Николаевич вскоре заболел, долго лежал на одре болезни, скучал по своему помощнику, с которым в разговорах отводил душу, и вскоре умер. Также от экономки, Щеголев выслушал упреки в невнимании к болящему. В пику Владу было сообщено, что любимый этюдник несостоявшегося скульптора подарен человеку, который не забывал больного. Бывший коллега только скорбно и согласно кивал головой. Добропорядочный папа, который был на похоронах Петра Николаевича, по обыкновению выговаривал младшему сыну за его невнимание к покойному.

Владислав не стал объяснять свое отношение к полковнику в отставке. Во-первых, он подозревал в нем много фальши и, во-вторых, Владик видел, что этот жрец искусства прежде всего жох, для которого болтовня о прекрасном служила лишь ширмой для эксплуатации слушателей. Молодой человек уважал деловые качества предпринимателя, но быть поденщиком в глазах своего брата – дворянина, даже сейчас он считал для себя обидным.

Не один ссыльный Стасенко покоится в земле на берегах великой реки. Многие пожилые ленинградцы остались там навсегда. Они лежат на городских кладбищах или в безвестных тюремных могилах...

Благословив Указ Владыки, братья Щеголевы получили временные паспорта и стали собираться в дорогу. Они возвращались в Ленинграде. Сбылась их мечта.

В Самаре Владислав Щеголев переписывался только с Савиновым. Он был в обиде на Мишустина. Идеальный комсомолец высказал опасения относительно переписки с «государственным преступником». Своего мнения он не имел и повторял слова досужих кумушек.

– Ша! – сказал себе Щеголев, – ты, верноподданный сын чернорабочего-кустаря, не получишь от меня ни единой строчки.

И он выполнил свой зарок. Его возмутило то, что этот «друг» и соученик стал бояться общения с человеком, о котором знал всю подноготную и был уверен в его полной невинности.

Но сейчас, когда молодой ленинградец оказался «на свободе», свободе, правда, весьма призрачной и неверной, он соизволил оповестить об этом обоих своих приятелей. Освобожденный был полон великодушия и простил легкомысленного и недалекого товарища, которого он все же любил.

Главным теперь было то, что тягостное испытание окончилось, и невинно пострадавший снова возвратился в любимый Ленинград.

Надолго ли?

«Красная газета». 7 апреля 1935 года.

ГЛАВА 4

Учебно-производственными мастерскими Ленинградского института инженеров гражданского воздушного флота сконструирован и построен новый самолет «СХ-1» для сельскохозяйственной авиации и других специальных применений: для воздушной санитарной помощи, для лесной авиации. Он также может быть использован как четырехместная пассажирская машина. Самолет этот, обладающий чрезвычайно малым разбегом при взлете и посадке, может быть применен в местностях, где отсутствуют большие посадочные площадки.

Борис уехал в Ленинград несколько дней тому назад, а младший брат остался. Ему еще нужно было закончить работу в Доме техники, и он решил отправиться только после расчета. А прознав что из Куйбышева в Москву можно добраться не только на поезде, «освобожденный» Владислав решил... лететь на самолете. Некоторая авантюристность, унаследованная от дедушки Александра Арсеньевича, была, оказывается, присуща и Владике. Он решил в новую, как он надеялся, совершенно другую жизнь, влететь на крыльях! Предвкушая Великое возвращение, Владислав заранее взял билет на самолет «Стиль-5», который только-только начал курсировать между городами. Такой способ передвижения по матушке России еще был в диковинку, и приподнято настроенный ленинградец решил его испробовать. Денег он заработал порядочно, и мог позволить себе такую роскошь.

Дом техники кормил не только Владика, но здесь выколачивал копейку и безработный брат. Борис – известный химик-органик, нигде не мог устроиться по специальности даже в таком большом городе как Самара.

В назначенный день, с грустью простившись с родителями, Щеголев поспешил на аэродром. Но спешил он напрасно, воздушное сообщение оказалось еще не совсем отрегулированным и полет в тот день отменили. Разочарованный Владик вернулся домой. Мама расстроилась – это была плохая примета. Суеверие? Наверное, но, в конце концов, примета оправдалась...

На другой день все же отлет благополучно совершился. В день отлета у неопытного пассажира во рту не было и маковой росинки, так как он боялся, что его может укачать со всеми неприятными последствиями. Предусмотрительный Владик, начитавшись романов о великих и отважных путешественниках, представлял себя, по крайней мере, одним из братьев Райт, и хотел выглядеть достойно в этом рискованном предприятии.

Усевшись на свое место, Владислав стал с интересом осматриваться – в салоне всего десять кресел, за стеклянной перегородкой – пилоты. Стюардесс, как и в любой смертельно опасной экспедиции, не полагается. И вот, надсадно треща, самолетик побежал по взлетной полосе и незаметно взмыл в небо.

Знаменательное событие состоялось в 12 часов пополудни 15 июля 1936 года. Билет обошелся в 115 рублей – не на много дороже билета в мягком вагоне скорого поезда.

Пассажирам открылась панорама города и реки. И сверху Волга поражает шириной и величием. По голубой воде движутся бесчисленные караваны барж, дымят пароходы, суетятся катера и лодки. Молодой путешественник во все глаза смотрит в иллюминатор, стараясь запомнить вид нашей матери-земли с высоты, на которой летают журавли и ласточки. Он замечает, что поля имеют огромные размеры, исчезла чересполосная лоскутность, наблюдаемая им во время переезда из Каширы в Ленинград. Теперь пашни меряют не на «осьминники», как мерила няня Кулькова, а на десятки гектаров. Мелькают деревни, городишки. Деревни, надо сознаться, мало изменились с няниных времен. Те же беспорядочно застроенные улицы, непросыхающие лужи, заметные даже с самолета, грязные дороги с застрявшими возами. Кое-где появились большие здания скотных дворов, силосные башни. Они заменили старые домины – живописные барские дома и приходские храмы.

На окраинах даже небольших городов видны огромные корпуса новых заводов и фабрик, уже построенных или строящихся. На реках – пристани с подъездными путями, забитыми товарными вагонами, около них толпятся грузовики. По полям и дорогам движутся тракторы, всякая техника, но одновременно виднеется еще много конных подвод. Пятилетка набирает силу. Русский народ, не оглядываясь на тяжелую жизнь, вершит свое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.